

А.С. АРМАГАНЯН

ОБУВЬ
ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН АРМ. ССР
МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АРМ. ССР

А. С. АРМАГАНЯН

ОБУВЬ
ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

Издательство «Айастан»
Ереван 1978

ՀԻ
Գրչոյ

В книге дана история возникновения и развития обуви в Армении с древнейших времен. Рассматриваются исторические положения Древней Армении, в условиях которых развивалось искусство изготовления обуви. Приводятся археологические, историко-этнографические материалы, барельефы и миниатюры, касающиеся армянской древней народной обуви. Описание армянских сапожных ремесленных союзов—амкарств (цехов и братств), существовавших в Армении с эпохи раннего средневековья.

Книга предназначена для инженерно-технических работников и научно-исследовательских организаций обувной, кожевенной промышленности, для любителей истории и широкого круга читателей.

Печатается по рекомендации отдела этнографии Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР и Министерства легкой промышленности Армянской ССР.

Научный редактор, консультант
Л. Н. ПЕТРОСЯН

ОТ АВТОРА

В опубликованных работах по истории материальной культуры армянского народа почти не отражен такой важный предмет для человека, как обувь, которая была и остается одним из важнейших элементов человеческого быта.

В настоящей работе делается первая попытка на основании скудных и мало изученных историко-археологических и этнографических материалов, а также косвенных сведений, относящихся к обуви, воссоздать картину истории древней армянской обуви.

Естественно, что работа не претендует на полноту охвата материала, но если сделанная попытка в состоянии создать общее представление об обуви в древней Армении, то автор будет считать свою задачу выполненной.

Будем надеяться, что дальнейшее изучение материальной культуры Армении послужит стимулом к поискам затерянных следов древней армянской обуви.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, доктору технических наук, профессору Ю. П. Зыбину за подсказанную им идею создания работы, посвященной древней армянской обуви, за любезно предоставленную возможность ознакомиться со

своими рукописными работами по истории обуви, а также за консультации и рекомендации по работе.

Одновременно автор выражает свою признательность старшему научному сотруднику Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, доктору исторических наук Э. Т. Карапетян, кандидату исторических наук Л. Н. Петросяну (впоследствии ставшему научным редактором настоящей работы) за консультации, рекомендации и редактирование работы. Автор выражает благодарность первому заместителю министра легкой промышленности Армянской ССР тов. А. В. Шахмурадянцу, Генеральному директору ордена Трудового Красного Знамени производственного обувного объединения «Масис», заслуженному инженеру республики Г. Х. Арутюняну и ряду товарищей, которые своими советами помогли ему.

Отзывы, предложения и замечания по книге просим посылать по адресу: 375061, Ереван, ул. С. Тюленниа, 4, технический отдел производственно-обувного объединения «Масис».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обувь изготавливается с древнейших времен. Энгельс отмечал, что предметы одежды потребовались человеку в период его становления, когда создавались новые отрасли труда, «которые все больше и больше отделяли человека от животного». Обувью пользуется и современный цивилизованный человек. Естественно, что за десятки тысячелетий конструкция обуви незаметно, но систематически изменялась.

Как происходило это изменение в том или ином регионе земли и в каком направлении, к сожалению, оставалось до сих пор неизвестным. Но именно на таком изделии, как обувь, видимо, можно проследить развитие техники от каменного века до сегодняшних дней.

Перед вами небольшой труд, в котором автор подобрал хороший материал по истории обуви армянского народа. В нем представлены фрагменты по данным археологии, относящиеся к древнеармянской обуви и обуви хеттов. Приводимые данные об обуви хеттов хорошо подтверждает имеющееся мнение о возникновении характерной для Кавказа, и в частности для Армении, обуви с высоко загнутыми носками, созданной под влиянием предшественников армян, населявших Малую Азию и Двуречье (ассиро-вавилонская и хеттская культуры). В материалах хорошо отражается уровень развития тех-

ники и материальной культуры армян даже на таком предмете, как обувь.

Хорошо представлена история обуви средневековья и капиталистического общества, до начала механизации обувного производства.

Впервые обобщен материал об объединении сапожников в профессиональные цеховые организации «амкарства», сильно напоминающие союзы ремесленников Европы (цеха).

Многолетний опыт работы инженером-обувщиком позволил автору весьма грамотно применить современную обувную терминологию в сапожном деле, наименования старинной обуви и ее деталей, дать их на русском и армянском языках, что может быть полезно не только любопытному читателю, но и специалистам по истории материальной культуры армянского народа.

Заслуженный деятель науки и техники РСФСР,
доктор технических наук, профессор
Ю. Л. ЗЫБИН.

В В Е Д Е Н И Е

В опубликованных работах по истории материальной культуры армянского народа почти не отражен такой важный для человека предмет, как обувь.

Изучение обуви, как одного из важнейших элементов комплекса одежды, само по себе представляет значительный интерес как одной из областей материальной культуры, так и для выявления традиционно сложившегося вкуса народа, его художественно-прикладного творчества. Установление конструкции и восстановление по ним различных типов и видов обуви, известных в Армении с древнейших времен и славившейся изяществом и красотой художественного оформления, может иметь практическое значение для разработки и оформления современной модной и массовой обуви.

В настоящей работе автор не претендует на глубокое исследование вопроса, а ставит перед собой более скромную задачу — собрать воедино незначительные по количеству и объему историко-этнографические материалы по обуви Древней Армении и дать их предварительное обобщение, используя записи и рассказы здравствующих сапожников старшего поколения, мнение отдельных специалистов и, конечно, собственные соображения и выводы с целью популяризации этих знаний

не только среди обувщиков-специалистов, но и в более широком кругу читателей.

Естественно, что до нас не могли дойти из глубины веков как вещественные доказательства кожа и изделия из нее, обувь и другие предметы. Археологические материалы, относящиеся к коже- и кожевенным изделиям, почти отсутствуют, если не считать отдельных исключений. Надо полагать, что дальнейшее изучение материальной культуры Армении послужит стимулом и в поисках затерянных следов древней обуви.

В настоящей работе использованы археологические, историко-этнографические материалы, а также памятники изобразительного искусства. Кроме того, автор, надеясь вскрыть некоторые просветы, историю обуви пытался рассматривать и на фоне военно-политической жизни армянского народа. Ф. Энгельс писал, что «люди делают свою историю сами с сознанием своих действий, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели» (1, стр. 64). И действительно, чем больше человек познает историю, тем больше он хочет знать ее и стремится раскрыть ее тайны и тайны земли, где еще хранится множество памятников древней материальной культуры. И не случайно, что археологи все больше проникают в недра земли и раскрывают ее тайны, извлекая из нее памятники древних исчезнувших культур, изучение которых в общих чертах восстановит первоначальное состояние этих культур, ее былое положение. Благодаря этим открытиям Армения признана настоящим музеем под открытым небом и в этом уникальном музее экспонируется множество памятников материальной культуры древних времен, изу-

чение которых обогащает и возвышает историю культуры Армении.

В связи с тем, что в возникновении и развитии культуры большую роль играют природно-климатические условия, рельеф данного района, окружающий человека растительный и животный мир, а также хозяйственно-культурный уровень и социально-экономические условия общества, попытаемся вкратце изложить эти определяющие факторы.

Прежде всего отметим, что по мнению археологов (М. З. Паничкина, П. И. Барисковского и др.) появление и расселение человека на Армянском нагорье произошло еще в начале четвертичного периода.

Заселению человеком Армянского нагорья благоприятствовали природно-климатические условия, густая растительность, богатый животный мир, «богатые залежи обсидиана и кремня и, возможно, широкое развитие вулканизма» (39, стр. 7).

Смелый, необузданный первобытный человек, ведущий бродячую жизнь, питавшийся ягодами и жолудями, не знавший ни огня, ни земледелия, ни употребления звериных шкур, благодаря сравнительно высокому интеллектуальному развитию и труду, постепенно изобретая различного рода орудия и приспособления, пытался создать себе лучшие жизненные условия. Ф. Энгельс писал, что «Труд — источник всякого богатства. Он — первое основное условие всей человеческой жизни и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать — труд создал самого человека» (2, стр. 3).

Надо полагать, что превращению первого кремневого бруска в орудие или инструмент, который при помощи человеческой руки предшествовал «такой дли-

тельный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным» (2, стр. 5). Установлено, что к наиболее древним из известных в настоящее время на территории СССР памятников человеческой культуры относится местонахождение Сатаны Дар (16, стр. 57)¹. Каменные орудия, найденные на Сатане Дар, в Арзни, Нуриусе и других районах Армении, характеризуют древнейшие этапы развития человеческого общества — конец низшей и начало средней ступени дикости. Любопытно, что среди найденных каменных орудий, кроме грубых отщепов камня, неправильных и случайных очертаний, имелись орудия, приспособленные каждое для особого вида работ—обработки кожи, выскабливания и размягчения снятой с животного шкуры, пушения бахтормы. В этой связи отметим, что умение снимать с животного шкуру и обрабатывать ее каменными орудиями следует отнести к древнейшим трудовым навыкам человека.

В итоге длительного трудового опыта у первобытного человека постепенно совершенствуется техника обработки каменных орудий, развивается его ловкость и мастерство, которые передавались по наследству и умножались из поколения в поколение. Совершенствовалась техника съёмки шкуры с убитого зверя и ее обработки. Хорошо отшлифованный и отточенный скребок с более широкой рабочей кромкой, каменные или костяные лопатки, гладилки применялись при обработке, отделке и глажении шкур, а для их «шнтья» были изобретены каменные и костяные проколы. Из сказанного явствует, что люди, проживавшие на территории Армянского нагорья еще в эпоху неолита (новый каменный век), умели «об-

¹ Холм,носящий название Сатаны Дар (Чертов холм), находится около горы Арагац в Армянской ССР.

рабатывать» шкуру, снятую с убитого зверя, и употреблять для защиты ног, тела, а, возможно, и в быту. Энгельс, говоря о потребности в одежде и, видимо, подразумевая под этим и обувь, отмечал, что она имела значительное влияние на становление человека. И надо согласиться с утверждением Ю. Липса, что «первобытный человек прежде, чем защитить тело, научился защищать ноги»² (33, стр. 355).

Да иначе и не могло быть, ибо развивающийся человек даже с весьма закаленным организмом не мог с незащищенными ногами беспрепятственно передвигаться по скалистым горам, по раскаленным от жары камням, по ледяным полям, тропинкам и обеспечить свое существование в суровой борьбе с природой. В связи с этим можно предполагать, что человек снятую со зверя шкуру впервые употребил для защиты ног путем обматывания вокруг стопы и тем самым создал для себя первый предмет — самый примитивный вид «обуви».

Дальнейшее развитие человеческого разума и орудий труда способствовали совершенствованию методов и способов охоты, развитию скотоводства, а затем и земледелия. Академик Б. Б. Пиотровский отмечает, что на Армянском нагорье люди занимались скотоводством еще в неолитическую эпоху, чему способствовали природные условия Армянского нагорья, оказывавшие существенное влияние на весь ход развития этой отрасли хозяйства (43, стр. 147). С развитием же земледелия в VIII—VII тысячелетии до н. э. совершенствовались приемы снятия шкуры с животного и ее широкое использование в быту человека. Именно в эпоху развития земледелия начинают развиваться ремесло и торговля. «На-

² Здесь и далее подчеркнуто нами — А. А.

ряду с торговлей и ремеслом, — пишет Энгельс, — появились, наконец, искусство и наука, из племен развились нации и государство» (2, стр. 12).

Географическое положение Армянского нагорья определила его важное политическое и военно-стратегическое значение, а близость центров переднеазиатской древней цивилизации благоприятно влияла на хозяйственно-культурное развитие страны (42, стр. 12). Следует отметить, что климат Армянского нагорья чрезвычайно разнообразен: сухой, резко континентальный, почва каменная, местами скудный растительный покров. Горы являлись труднопроходимой преградой для человека. Скалистые края, прорезанные глубокими ущельями, откуда доносилось глухое рокотанье реки, нависшие скалы, кое-где дороги упиравшиеся в темные дремучие леса. Препятствием для путей сообщения являлись не только горы, леса и реки, но и продолжительная зима со снежными заносами и морозами, местами доходящими до 40°. Снег засыпал долины, овраги, бесследно заносил дороги. Путники двигались не иначе, как с длинными шестами в руках для того, чтобы в случае снежного обвала вышедшие на поиски люди могли установить их местонахождение.

Вот как характеризует природно-климатические условия этого края военачальник и историк Греции Ксенофонт (430—355 г. до н. э.): «Взгляни на эти горы, как все они непроходимы... Тут представились большие затруднения, с одной стороны стояли высочайшие горы, с другой — река настолько глубокая, что когда измерили глубину, то копыта не было видно... Отсюда эллины шли по глубокому снегу, глубина снега доходила до сажени, так что погибло множество выючных животных и солдат» (31, стр. 101, 106, 122).

О существовании древнейших государств на терри-

тории Армянского нагорья свидетельствует факт образования во втором тысячелетии до н. э. Хеттского государства, которое около четырех веков являлось крупнейшим государством Передней Азии. Хетты достигли довольно высокого культурного уровня, который характеризовался значительным развитием ремесла (29, стр. 99). В одной из провинций Хеттской империи было «39 кожевенников», в которых хетты очень нуждались, и поэтому освобождали их от дани (57, стр. 31). Хетты носили обувь в виде башмаков с высоко приподнятыми вверх носками (рис. 2). Важные социально-экономические сдвиги, имевшие место на территории Армянского нагорья, не могли не отразиться на создании и развитии новых, более усовершенствованных конструкций и видов обуви.

В середине второго тысячелетия до н. э. было образовано «двуединое» царство Хайаса-Аззи, которое имело солидный вес в политическом, экономическом и культурном отношении (29, стр. 6, 24); в 1400—1330 гг. до н. э. хайасы под главенством своих царей восстали против хеттов, выставя порой до 11 тысяч пеших и конных войск (7, стр. 16).

Важным событием является образование на Армянском нагорье в первой половине IX в. до н. э. государства Урарту, которое считалось одним из самых могущественных государств Древнего Востока. Археологические материалы из раскопок урартских городов Тейшебани (Кармир-блур) и Эребуни (Арни-берд) в окрестностях Еревана свидетельствуют о высоком культурном уровне этих государств с интенсивным развитием земледелия, скотоводства и ремесла. Эти материалы также позволяют почти полностью восстановить облик воинов и определить воинскую мощь урартских войск. Установлено, что крепость Эребуни служила базой для

урартских войск, откуда снаряжались походы на север. Войско состояло из боевых колесниц, больших отрядов конницы и пехотинцев. По надписям урартских царей узнаем, что из завоеванных земель ими было пригнано в Бнайну (бассейн Ванского озера) много тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота (7, стр. 23). Например, из одной надписи Сардура Второго (750—730 до н. э.) узнаем, что из Эрнахи (район нынешнего Ленинакана) в течение одного похода было угнано 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 голов крупного и 37625 голов мелкого рогатого скота (9, стр. 143).

Можно предполагать, что высокий уровень развития скотоводства на Армянском нагорье способствовал выделыванию шкур и позволял с древнейших времен шить из них обувь. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас из глубины веков глиняные сосуды в виде обуви и некоторые другие археологические материалы. Отметим, что в период существования Урартского государства сапожное ремесло получает еще большее распространение, совершенствуется и ему придается большое значение. Об этом говорят документы Кармир-блурского хозяйственного архива, где упоминается в одном случае 28 шкур, а в другом 196 шкур телят, 172 шкуры овец и 16 шкур коз (44, стр. 150).

На дальнейшее развитие и конструирование обуви значительное влияние имело образование на Армянском нагорье самостоятельного Армянского государства, которое сложилось в период ослабления и упадка Урарту (VI—V в.в. до н. э.). Армянский народ и армянский язык сложились в результате длительного процесса ассимиляции древнейших племен хайасов (давших само название «хай», хай), арменов, урартов, хеттов и др. (15, стр. 56). Установлено, что с образованием армянского государства армяне не только упорно и мужест-

венно защищали свою страну, но и расширяли и развивали ее границы, экономическую и военно-политическую мощь. Об этом свидетельствуют сообщения Геродота, где он отмечает, что в войске персидского царя Ксеркса (в 480 году до н. э.) находились и армяны, вооруженные по образцу фригийцев. Вооружение их состояло из небольших щитов и коротких копий, они имели также дротики и мечи, носили плетеные шлемы, а на ногах — **высокие башмаки**. В греко-римских источниках особо упоминается также войско из Армении, сражавшееся с персами против Александра Македонского (330—323 г.г. до н. э., 35, стр. 9). Здесь имеется в виду сообщение Ксенофонта о поставке в персидскую армию Дария II (423—405 г.г. до н. э.) 40-тысячной пехоты и 8-тысячной конницы (36, стр. 44).

Периодом исключительного политического, экономического и культурного расцвета Древней Армении является период царствования Тиграна Великого (95—56 г.г. до н. э.). В годы его царствования расширяется территория армянского государства. В 77 г. до н. э. основывается столица Тигранакерт, а в 69 г. до н. э. создается армянский эллинистический театр в Тигранакерте. О могуществе государства Тиграна Великого свидетельствует численность его войск. «Тигран II собрал вокруг себя 250 тысяч пехоты и 50 тысяч конницы и в сражении под Тигранакертом 6-го октября 69 г. до н. э. выставил более 250 тысяч войск» (37, стр. 105, 119). Армянский царь Артавазд II (56—34 г.г. до н. э.) изгоняет римлян из Армении. Он выставил на смотр, кроме прочей конницы, еще 6000 покрытых броней лошадей, построив их в боевой порядок (51, стр. 499).

В эти исторические времена Древняя Армения расширяет международный торговый обмен, поддерживает тесные экономические и культурные связи как с сосед-

ними, так и с дальними странами. Именно в этот период на территории Армянского нагорья шли непрерывные столкновения между великими державами древнего мира — Персией, Римом, Византией и другими государствами.

В связи с этим обувь, помимо своего основного назначения, стала служить неотъемлемой частью национального костюма.

Расширяется и совершенствуется ремесленное производство, которое в основном концентрируется в городах, в поместьях царей, знати и жречества. «Это было ремесло, организованное в крупных масштабах и рассчитанное также на обмен» (24, стр. 26).

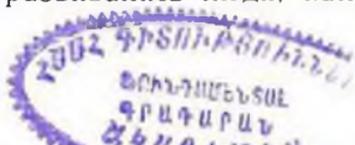
В общих чертах мы отметили некоторые основные вехи из истории армянского народа, чтобы рассмотреть, как культурно-экономическое и политическое развитие сказывались на такой отрасли хозяйства, как производство обуви.

I. ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБУВИ

Как позволяют судить некоторые археологические материалы, использование обуви уходит в глубь истории армянского народа, а отдельные ее образцы были известны на Армянском нагорье еще задолго до ее образования.

Об этом свидетельствуют верхнепалеолитические местонахождения Армении (Джаткран, Нурнус и др.), где археологами найдены весьма характерные орудия, разнообразные по форме и не имеющие прежнего универсального характера. Это каменные скребки, посредством которых производили мездрение и пушение бахтармы (тыльная сторона шкуры), каменные и костяные лощилы для обработки лицевой стороны шкуры. Впоследствии употреблялись проколы, иглы и растительные, животные, минеральные краски для шитья и отделки обуви. Необходимо отметить, что каждая из отмеченных ступеней совершенствования, даже самая «незначительная», тогда давалась медленно, с великим трудом и на протяжении многих тысяч лет человек достигает весьма «малых» результатов. Однако труд человека постепенно изменяет мир и утверждает его хозяином земли.

Вместе с изменением и развитием орудий производства изменялись и развивались люди, как важнейший

элемент производительных сил, изменялись и развивались их производственный опыт, трудовые навыки, умение пользоваться орудиями производства. И эти изменения особенно заметно сказывались на развитии техники съемки шкуры, ее обработки и использования для шитья обуви. Надо полагать, что первобытный человек после того, как научился защищать ноги (стопы и голени) от механических повреждений (ударов, проколов) и неблагоприятных воздействий природы (холода, жары, сырости), он еще не умел и не мог оформлять эту шкуру по форме стопы, и куски шкуры просто обвертывал вокруг стопы в бесформенном виде и закреплял на ней посредством концов самой шкуры или же полосками из той же шкуры.

На первоначальное конструирование и развитие обуви важнейшее влияние имело достижение наших далеких предков, относящееся к применению сухожилий (**чил**). Именно благодаря использованию сухожилий стало возможным скреплять — соединять куски шкур между собой, совершенствовать ниточный шов, технологно пошива обуви и одежды. Возможно, что первые сухожилия были не сухие, а невысушенные куски кишечника, и только спустя некоторое время человек научился их обрабатывать, высушивать, скручивать и использовать в деле. Впоследствии, когда научились выделывать кожу, сухожилия — ушивальник (**срим**) изготавливались из полосок сыромятной кожи примерно так, как это делается в наши дни для сшивания транспортных и других ремней в шорном деле. Необходимо отметить, что потребность в защите ног от климатических воздействий продолжало быть настолько великим, что человек вынужден был думать о способах обработки шкур, так как сырая и необработанная шкура была неудобна и непригодна для потребления — она высы-

18

хала, теряла свою эластичность, делалась жесткой, причиняла боль ногам, мешала ходьбе, а при сохранении влажности быстро загнивала и разрушалась. Наблюдениями постепенно было установлено, что шкура под воздействием дыма и расплавленного жира приобретала мягкость, после чего не разлагалась, а под воздействием дубильных веществ приобретала прочность и стойкость. Так с древнейших времен человек научился выделывать кожу. Можно смело сказать, что превращение шкуры в кожу является одним из важнейших элементов культурного наследия, доставшегося современному обществу от доисторического человека. Дальнейшее развитие превращения шкур в кожу способствовало повышению качества кожи, обуви и др. изделий из кожи.

Прежде всего необходимо было уметь и осторожно снимать шкуру с только что убитого животного. Нет сомнения, что уже в те далекие времена были выработаны методы съемки шкур — «пластом», «чулком», «трубкой» (тык-һанел). Для съемки шкур с убитого зверя, как установлено археологическими исследованиями, применяли специальные каменные резцы, посредством которых шкуру распарывали по брюху, делали разрез, вероятно, так же, как и в наши дни, — от нижней челюсти по горлу и брюху до заднего прохода — и продолжали разрез до конца хвоста. Затем разрезались передние и задние лапы и шкура сдиралась (К «эр»тел) (13, стр. 101). Шкуры «чулком», «трубкой» в основном снимали с песца, зайца, волка, козы и других мелких животных.

Чтобы превратить шкуру в кожу, ее надо было обрабатывать при помощи каменных скребков — очищать бахторму (мездрить) и удалять волосной покров (обезволашивать), затем подвергать заквашиванию, мятию, дублению и окраске.

Из армянской этнографической литературы мы узнаем, что для удаления волос со шкуры и с целью предварительного размягчения шкуры укладывали в раствор специально изготовленной золы (**мохир**), полученной от сжигания сучьев и кроны дубовых деревьев. После такой обработки сравнительно легко сгоняли (выдергивали) волосы, затем для более лучшего размягчения и придания белизны шкуры 1—2 дня выдерживали в пахте (**тан**) (40, стр. 167) или в кашнице—растворе отрубей (**шпот**), после чего в полувысушенном виде руками, путем катания, колочения, кручения, выжимания и мятия размягчали.

Однако такая шкура (голье) также высыхала и загнивала, делалась непригодной для более длительного употребления и поэтому она должна была подвергаться дублению (**хахахордел**, **дабахел**), т. е. путем введения в шкуру жирющих и растительных веществ превратить голье в кожу. Для дубления шкур вероятнее всего вначале применяли способ жирового дубления. Так как человек в течение тысячелетий охотился на медведей, он не мог не заметить, что шкура медведя, которая обладает большим жировым скоплением, под воздействием дыма и расплавленного жира приобретает мягкость, прочность, не разлагается и поэтому носится сравнительно долго. Кроме того, кожа жирового дубления обладает не только высокой прочностью, но и эластичностью. А эти свойства кожи являются одним из самых необходимых качеств, особенно при пошиве выворотной обуви, который в те далекие времена был основным методом при ее изготовлении.

Однако, несмотря на некоторое преимущество жирового метода, у армян большое распространение получил растительный метод дубления. Для растительного метода дубления дубильные вещества извлекали из ко-

ры и древесины дуба, коры ивы, ели, лиственницы и т. д., которые широко распространены на территории Армянского нагорья. Из письменных источников узнаем, что в Древней Армении для дубления кожи использовались гхтор (чернильный порошок), ахтор (сумах), зеленая скорлупа грецкого ореха и корка граната, виноградные косточки и другая растительность с содержанием дубильных веществ. Гхтор собирался и применялся не только для дубления, но и для изготовления красок и чернил в таких широких масштабах, что Анания Ширакаци (VII в.) причислил к природным богатствам страны, а Мхитар Гош (XII в.) включил в свой «Судебник» правила, согласно которым при сборе гхтора и другого подобного сырья население должно было платить десятину феодалам, которым принадлежали леса (8, стр. 147).

В Армении с древних времен до начала XX века для дубления шкур и особенно обработки бурдюков использовали также метод копчения—окуривания в густом дыму костра из сырой коры. В зависимости от применяемых пород коры кожа или бурдюк получались светло-коричневыми или черными (последнее — при применении дубовой коры). При дублении (обработке) шкур методом копчения-окуривания кожа становилась мягкой, гибкой, плотной и не изменяла своих свойств даже после сильного намокания и высыхания.

Следует отметить, что выработка кож испокон веков являлась длительным и тяжелым процессом, ее производственный цикл доходил до полугода и более. И не случайно, что в народе кожевенное ремесло считалось благословенным, потому что, по преданию, якобы однажды Спаситель, проходя мимо кожевенных заведений, заметил трудность ремесла и благословил работающих (23, стр. 204).

В хозяйственном быту армянского народа кожа находила широкое применение еще в эпоху неолита. Из кожи изготовлялись обувь, одежда, шлемы, панцири, оружейные ремни и пояса, части конских упряжек и повозок. Важное значение в хозяйстве имели кожаные бурдюки и маслябойки, изготовленные из шкур мелкого рогатого скота и бычков, для приготовления и хранения молочных продуктов, а также вина, воды и сыпучих продуктов питания. Бурдюки изготовляли и из шкур крупного рогатого скота, которые в основном использовали при возведении понгонных мостов, для переправы через реки и при постройке плотов. Об этом сохранилось свидетельство Ксенофонта. Он пишет — «в этом затруднении подошел один родосец—сказал:—Мне нужно 2000 мехов. Я вижу здесь много овец, коз и ослов. Если снять с них кожи и эти кожи надуть, то последняя представит удобную переправу» (32, стр. 101). Небезынтересно отметить, что еще в III—II в.в. до н. э. в Малой Азии в гор. Пергам из шкур телят особым способом вырабатывался пергамент (магахат) для письма.

В государственном хранилище научно-исследовательского института древних рукописей (Матенадаран) имени Месропа Маштоца, под номером 7721 числится рукописная книга 1204 г., вес которой без переплета составляет 32 кг, а величина листов 70×51 сантиметр. Рукопись состоит из 607 пергаментных листов и каждый лист сделан из шкуры одного телятца. Там же хранится рукописная книга 1434 г. на 104 необычайно тонких листах пергамента размером 3×4 см, весом 18 гр.

О том, что в отдаленные времена на территории Армении вырабатывалась высококачественная кожа свидетельствуют археологические материалы и исторические сведения. Раскопки армянских могильников и в других районах Армении выявили большое количество ма-

тернала, который датируется эпохой развитой бронзы (XII—XI в.в. до н. э.), среди них были обнаружены также остатки кожи и кожаных изделий. Так, например, в Артике найдены остатки кожи с кожаного нагрудного панциря (XII—XI в.в. до н. э.). Там же были найдены свыше 100 мелких и одна большая пуговица, которыми обшивался кожаный панцирь (56, стр. 61, 148), найдены также бронзовые удила с дисковидными псалнями с фрагментами хорошо обработанной кожи.

Следы кожаных панцирей были найдены и в других районах Армении — Головинском, относящихся к концу II тысячелетия до н. э., Дилижанском — IX—VIII в.в. до н. э. (38, стр. 37, 59). Широкое применение кожаных изделий как для снаряжения, обмундирования армии — пехоты и конницы, а также для гражданских лиц с учетом их классовой принадлежности требовало владения мастерством их выделки и отделки. И не случайно, что уже в начальный период своего развития кожаное производство специализировалось на выработке кож для обуви, одежды, седел, щитов и т. д. С развитием техники съемки шкуры с убитого животного и совершенствованием процессов превращения шкуры в кожу и мех развивалась и совершенствовалась техника шитья и конструкции обуви.

Надо полагать, что хозяйственная деятельность наших далеких предков во многом определялась спецификой орудий труда, и поэтому к основным производственным процессам по шитью обуви и одежды относится прокалывание шкуры или кожи при их сшивании каменными и костяными шилами. Есть основания думать, что костяной иглой можно было прокалывать лишь тонкие шкуры мелких животных, но даже в этом случае необходимо было расширять проколотые отверстия костяны-

ми шилами, чтобы вслед за иглой свободно, не застревая, проходила сухожильная нитка.

Для прокалывания могли служить и кремневые инструменты-проколы. С помощью кремневых проколов можно было шить шкуры и кожаные изделия, не пользуясь иглой, а пропуская упругое сухожилие непосредственно через отверстие. Кремневые проколы имели острое жало и расширялись к основанию. Это позволяло протыкать в коже отверстие для продевания сухожилок. Но кремневые проколы часто ломались и прорезали шкуру, поэтому для получения отверстия нужного диаметра требовалось костяное шило. Кремневой проколкой намечалось только отверстие, а костяным шилом раздвигали, растягивали упругие волокна кожи, затем продевали сухожилие с иглой или без нее, после чего отверстие снова уменьшалось в диаметре, плотно охватывая нитку (49, стр. 125).

В этот период развития человеческого общества материальная культура и, в частности, производство обуви и одежды, развивались относительно самостоятельно у разных народов, они отличались большой самобытностью и были оторваны от культуры других народов. Исходя из местных природно-климатических условий, различные народы изготавливали обувь из местного сырья — дерева, коры пальмовых листьев, кожи различных животных. Так, на стоянке человека каменного века (поселение в пещере Ламос в восточной Неваде) обнаружен склад из трехсот пар обуви, представляющий собой плетеные из травы сандалии. По мнению археолога, открывшего пещеру, из всех обнаруженных до сих пор изделий, эти — самые красивые. Радиоизотопным методом установлено, что сандалиям около 9 тысяч лет (27, стр. 60).

Применение шкур животных для защиты ног объ-

ясняется тем, что это был наиболее доступный материал, получаемый в те далекие времена с добыванием пищи — охотой. По сообщениям Ксенофонта, Страбона, Товмы Арцруни и других авторов, на территории Армянского нагорья с древних времен обувь изготавливали из бычьей, буйволиной, козлиной, свиной и другой кожи. Трудно переоценить значение и важность обуви в специфических природно-климатических, социально-экономических и военно-политических условиях Армянского нагорья. И не случайно, что конструированию и оформлению обуви придавалось большое значение, ибо в ходе тех или иных походов и сражений немаловажная роль принадлежит удобной, прочной и приспособленной для ношения в местных условиях обуви.

Как уже отмечали, на возникновение и развитие конструкции обуви существенное влияние оказывали природно-климатические условия того географического района, в котором проживала та или иная народность (26, стр. 8).

В связи с этим в Армении, в силу ее природно-климатических условий, с самого начала развивалась обувь полузакрытого и закрытого типа в виде **трэхов** (поршни), башмаков и шилнсь из одного куска необработанной (**хам**) шкуры (**морти**). Однако обувь, сшитая из одного куска кожи, имела существенный недостаток, а именно, в местах наибольшей концентрации нагрузки — в пяточной части (**гаршапар**) и носочной части (**к'тамас**, **ктуц**) подошва (**кошкатак**, **нербан**) изнашивалась значительно быстрее, чем верхняя часть (**ерес**). Такое явление не могло пройти мимо внимания человека и он с целью рационального использования хорошо сохранившейся верхней части обуви начал подшивать на кожу и на проошенную часть обуви заплаты (**к'рнел**, **к'рунк**). Кроме того, с целью увеличения срока носки

обуви, сшитой из одного куска кожи, подошвенную часть клеткообразным переплетением укрепляли полосками кожи шириной 5—7 мм., это делалось и с целью уменьшения скольжения при восхождениях на горы и на подъемах. В основном такую обувь носили жители, в частности, охотники горных районов Армении. Умение подшивать заплату, производить починку (**каркател**, **веранорогел**) привело к мысли о создании обуви из двух частей — для верха и для низа обуви. И надо считать, что это изобретение явилось поворотным моментом в конструировании и создании новых, более совершенных видов обуви. В дальнейшем человек, думая о рациональном использовании кожевенного материала, на изготовление которого затрачивались труднодобываемое сырье и тяжелый кропотливый труд, вынужден был разрабатывать новые конструкции обуви с увеличением количества деталей и особенно верха обуви.

Нам неизвестно, каким способом впервые человек соединил верх обуви с подошвой. Но, учитывая, что в те далекие времена, когда еще не существовало металлического шила и иглы, возможным вариантом, при наличии каменных и костяных шила и игл, мог быть накладной способ, при котором края заготовок (верха) выворачивались наружу и накладывались на окружность (периметр) вырезанной подошвы, и по существующим в то время способам сшивания соединяли подошву с верхом обуви. Этот предполагаемый метод является прототипом современных сандаального и допдельного методов крепления.

Такой метод соединения верха с подошвой также не мог удовлетворить элементарным требованиям норм эксплуатации, так как сухожильные швы, расположенные на ходовой стороне подошвы, быстро изнашивались и подошва отставала от верха обуви. Во избежание этого

создается новый бортовой метод соединения подошв с верхом обуви. Такой метод и поныне широко используется под названием «опанки». С овладением шитья обуви из двух кусков стало возможным для низа обуви использовать кожу в несколько слоев. В дальнейшем, по мере совершенствования кожевенного производства, подошву стали вырывать из более толстой кожи, а верх из тонких кож. В связи с этим для раскроя толстых кож применяли ножи из твердого камня типа кремня, а для раскроя тонких кож—ножи из костей животных. Для сшивания деталей из шкур или кож по-прежнему применяли кремневые или костяные шилья или иглы.

Таков итог развития древней техники пошива обуви и других изделий из кожи, достигнутый человеком путем упорного труда на протяжении десятков тысяч лет, и этими примитивными инструментами в те далекие времена он мог обеспечить себя шитой обувью и одеждой.

С возникновением металлообработки на Армянском нагорье (III тыс. до н. э.), взамен грубых каменных и костяных шильев, иглолок и других орудий труда, появляются бронзовые, а затем и железные тонкие шилья и иглы, в силу чего большого развития достигает ремесленное производство, в том числе сапожное.

При раскопках обнаруженных на территории Армении древних стоянок и могильников, относящихся к эпохе неолита и развитой бронзы, наряду с предметами вооружения, украшениями и керамикой, найдено большое количество орудий труда, в том числе инструментов для обработки кожи, шитья обуви и одежды. В окрестностях села Элар (ныне город Абовян), в армянском могильном поле, в районе Камо (Нор-Баязет) и других районах Армении найдены бронзовые и костяные шилья

и иглы. С появлением тонких металлических шилев и игл становится возможным осуществлять дальнейшее совершенствование способов соединения деталей верха и низа обуви. По внешнему виду и способу изготовления новая обувь отличается от ранее существовавшей. Совершенствуется способ прикрепления подошвы к верху обуви, хотя по-прежнему основным способом укрепления низа обуви остается шитьевой, но теперь это осуществляется посредством тонких сухожилий, а затем прочной дратвой (**момател**). Появление тонких металлических шилев и игл, а также дратвы, позволило создать новый для тех времен, более прогрессивный—выворотной метод—**шрджови, шуртвац, «алтанный»**. Выворотной называется обувь, у которой подошва прикрепляется к заготовке, затянутой наизнанку и сшитой горизонтальными потайными (**гахтни-кар**) швами. После сшивки она выворачивается, подобно чулку; а затем формируется или самой стопой, или, как это засвидетельствовано более поздними источниками, в нее вставлялось глиняное или деревянное правило (**кахапар**), которое и придавало ей требуемую внутреннюю и наружную форму. Несмотря на то, что выворотной способ пошива обуви является весьма трудоемким и требует большого опыта и навыков, все же он был самым распространенным и доступным методом в древней Армении, который из глубины веков, без особых изменений, дошел до наших дней и имеет весьма широкое применение, особенно в республиках Закавказья. Кому не известны «кавказские сапожки» или туфли-чуваки, пошитые выворотным методом? Они легкие, эластичные и довольно прочные.

С появлением деревянных и металлических шпилек и гвоздей соединение верха с подошвой, наряду с выворотным методом, осуществлялось также при помощи шпильчатого и гвоздевого методов.

Дошедшие до нас из глубины веков глиняные сосуды в виде сапог имеют совершенную конструкцию: пяточная и носочная части хорошо оформлены. В связи с этим мы считаем, что в Армении в древности существовали сапожные колодки (**кахапар**)¹, стелька (**мидж-натак**) и заготовка (**ересацу**) затягивались на колодку и дратвой скреплялись со стелькой. После чего к затянутой кромке деревянными шпильками (**варсоц**), а возможно и металлическими гвоздями (**гам, мех**) прикреплялась подошва. В обуви появляется каблук. К сожалению, из-за отсутствия конкретных данных трудно установить, где и когда именно произошли эти существенные изменения в обуви. Важно только то, что обувь как средство защиты ног от внешних климатических воздействий появилась на заре человечества и развивалась по ходу истории путем передачи опыта из поколения в поколение, из века в век. Здесь необходимо отметить, что несмотря на то, что развитие первобытной техники в основном было связано с усовершенствованием съема шкур с животных и их обработкой, а также с изготовлением из этих шкур обуви, одежды, тем не менее эта техника вплоть до начала девятнадцатого столетия находилась на весьма низком уровне и все предметы первой необходимости производились при помощи «примитивных» ручных инструментов. Обувь шилась посредством шилев, игл, молотка и клещей. Да и сегодня, в век больших скоростей и высокой техники, в век, когда для производства предметов первой необходимости, и в том числе обуви, применяются многочисленные автоматические и полуавтоматические установки, агре-

¹ В Государственном историческом музее Армении хранится пара колодок, изготовленных из глины (инв. 58361). Случайная находка из села Арнич (Ереван) Армянской ССР.

гаты, машины, еще имеет место пошив обуви ручным способом, примерно так, как это делалось в далеком прошлом. И это не случайно, ибо издревле принято считать ценным и относить к разряду произведений искусства все то, что создается умелыми руками мастеров — ковры, ювелирные изделия, вышивка, кружева, обувь. Эти и другие предметы, созданные руками армянских мастеров, всегда пользовались большим спросом как в нашей стране, так и за ее пределами.

II. АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ ОБУВЬ

Изучение древнейших археологических памятников Армении, относящихся к периоду каменного века, к эпохе бронзы, раннего железа и более поздним эпохам, свидетельствует о том, что обувь, как и другие предметы, созданные человеком, с совершенствованием средств производства постоянно изменяется, изменяется и конструкция обуви. В этом процессе немаловажную роль играет материальный и культурный рост самого человека и общества, в котором он живет и, как результат, повышаются требования к удобству, износостойкости и, конечно, красоте обуви.

В этой связи нельзя не отметить последнюю работу (рукопись) профессора Ю. П. Зыбина, в которой указано, что «обувь, как и все предметы, окружающие человека, с изменением производительных сил меняется и будет меняться в будущем». Это общее положение исторического материализма хорошо иллюстрируется именно на примере обуви, возникшей в глубокой древности, и совершенно необходимой в наши дни.

В указанной работе также отмечено, что обувь, предназначенная в начале развития человека для предохранения ног от внешних воздействий и для обеспечения нормальных условий его трудовой деятельности,

с некоторого времени начинает играть значительную роль в украшении его внешности.

В. И. Ленин в лекциях, прочитанных в июле 1919 г. в Свердловском университете по поводу общественно-политической науки, требовал не забывать основной исторической связи, рассматривать каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление возникло в истории, какие главные этапы в своем развитии это изменение проходило и с точки зрения этого развития смотреть чем данная вещь стала теперь (3, стр. 436). Именно в этом свете на базе археологических, этнографических и других материалов попытаемся рассмотреть и установить, как сказывалась закономерность развития средств производства на таком изделии рук человека, как армянская народная обувь.

Прежде всего отметим, что обувь в различных диалектах армянского языка имеет множество названий. Наличие такого многообразия названий обуви указывает на существование различных видов обуви.

Общее название обуви

Кошик — от слова «каши» — кожа.

Вотнаман — буквально: «вот» — нога, «аман» — сосуд, посуда, форма.

Машик — от слова: «машк» — кожа.

Од — буквально: морт «ти» — шкура.

Название отдельных видов обуви

Сапоги — **кошик**, **еркаравиз кошик** (буквально: «длиноношяя обувь»), **еркарачит кошик** (буквально: «длинноношящая обувь»). **Чткакошик**, **сапог**, **панучи**, **чтковкошик**, **чагмя**, **чехмехчи**, **чзмени** и т. д.

Ботинки, **башмаки** — **кошик**, **вотнаман**, **муйк**, **вешмак**.

Полуботинки, туфли — кисакошик (буквально: полуобувь); кондора, харук, машик, экси, мучак, чмук, сол туфли и т. д.

Чувяки, шлепанцы — чуст, лапшин, емани, цлапан, охатап, ески и т. д.

Сандали, сандалеты — сандал, сандалик.

Поршни — трах, чарох, хас-чарух (праздничные трехи с различными украшениями).

Гурпа — обувь, пошитая из текстильных тканей для покойников.

Гетры — занкапан (буквально: защитит голень).

Небезынтересно отметить, что в Армении с древнейших времен сапожное ремесло и профессия сапожника развивались не в целом и не универсально, а отдельно, с учетом родов и видов обуви. Одни мастера специализировались на пошиве только мужской обуви, другие — только женской, одни шили сапоги, другие — башмаки, туфли, третьи — только трехи. Шла также специализация по способам пошива обуви, например — «олтанцики» — сапожники, которые шили обувь легкого типа (чуствы) выворотным методом, а раскрой верхних кожтоваров и пошив из них заготовок (верх обуви) производился совершенно другими мастерами (заготовщиками). Уже в те далекие времена были специальные мастера по починке обуви. Такая «узкая» специализация преследовала цель создавать красивую, легкую, и, разумеется, прочную обувь. Эта традиционная специализация, дошедшая до нас из глубины веков, и поныне свято соблюдается армянами-сапожниками, проживающими в Армении и за ее пределами. Мастера по пошиву дамской обуви не возьмут на себя смелость шить мужскую обувь и наоборот, т. к. они высоко ценят свое ремесло и свой авторитет. По этому поводу Ксенофонт писал, что невозможно, чтобы человек занимался мно-

гимн ремеслам, делал все хорошо, одно ремесло может дать пропитание человеку и нередко даже не целое ремесло. Один, например, шьет мужские башмаки, другой — женские, а бывает и так, что один получает пропитание от того, что только делает заплата на башмаках, другой от того, что кроит, третий только прирезывает верхнюю кожу, а четвертый ничего этого не делает, только шьет. Естественно, продолжает Ксенофонт, что тот, кто постоянно занимается самой небольшой частью, будет исполнять ее превосходно (32, стр. 259). Разве современный принцип специализации производства не есть прототип древней специализации?!

К более ранней обуви на территории Армянского нагорья надо отнести **трэхи**, которые, как уже отмечено, шились из одного куска необработанной (**хам**) шкуры (**морти**) путем стягивания вокруг щиколотки и передней части стопы по верхнему краю шкуры посредством сухих и скрученных кишок или из полосок той же кожи. Армянские **трэхи** — обувь в основном крестьянского населения, она без существенных изменений из глубины веков дошла до первых десятилетий XX века, а в некоторых отдаленных районах Армении и поныне используется в крестьянском быту в качестве удобной рабочей обуви. Впоследствии, когда научились обрабатывать шкуру, **трэхи** для более зажиточной и влиятельной части крестьянского населения изготовлялись из обработанной кожи, украшенной цветными шерстяными нитками (рис. 1). В народе такие **трэхи** называли **ха с-ч а р у х**, **карабахские**, праздничные и их носили в особенно торжественные дни. Любопытно отметить, что в быту крестьянского населения использовались и **трэхи** типа русских лаптей, но только плетеные из толстокрученых шерстяных нитей. Такую обувь в основном плели девушки-невесты в дар же-

нишу и другим его родственникам-мужчинам. Трэхн пошла не только крестьянская часть населения, но и часть городского населения, а по свидетельству историка X века Поганина и некоторая часть войска. Для предохра-

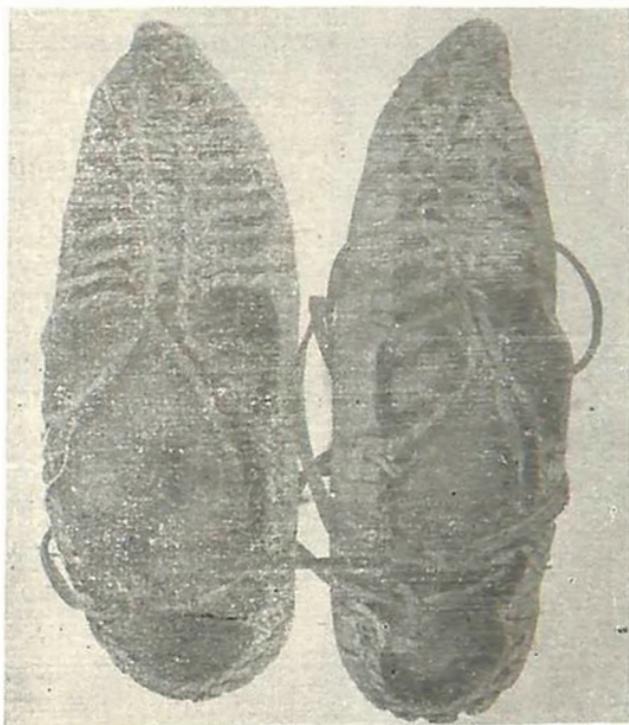

Рис. 1.

нения ног от холода и сырости в трэхн обычно клали тонкий слой сена, а в сильно пересеченной местности с многочисленными спусками и подъемами, особенно зимой, опоясывали тонкими ветвями ивы или травой (цинел) с тем, чтобы не поскользнуться. Высохшие

трэхи, как правило, размягчали в воде или обматывали сильно увлажненной тряпкой.

Отметим, что в летний период трэхи изготавливали не только из бычьей, но и свиной шкуры, потому что свиная шкура из-за высокой жирности не так быстро высыхала, а наличие больших сквозных пор создавало некоторую прохладу для ступней¹.

Рис. 2.

Во многих армянских литературно - фольклорных произведениях отражены мечты простого человека иметь хорошую праздничную обувь. «Бедные холостые юноши даже в праздничные дни носили залатанные трэхи и мечтали иметь пару «остроклювых лапшин» (рис. 46, т. II, стр. 87).

С давних времен из одного куска шкуры шили не только примитивные трэхи, но и по тем временам довольно сложную обувь. Автором этих строк по снимкам хеттской обуви (рис. 2) с приподнятыми вверх

¹ Важно, что в настоящее время население Армении и других республик Закавказья не утратило интереса к трэхам, как к национальной обуви. Учитывая их спрос и пожелания, отдельные обув-

носками воспроизведена обувь, пошитая из одного куска сыромятной кожи. Обувь шилась без применения колодок, поскольку в те далекие времена колодки не применялись, и обувь формовалась на ноге. По описанному выше методу по ходу шитья производились проколы по краям вырезки, а затем производилось расширение отверстий шилом и продергивание ушивальника (сухожилья) из той же кожи. Экспериментальным путем было установлено, что пошив такой обуви надо начинать по линии заднего соединения — одна сторона должна заходить на другую и сострачиваться настрочным швом, расположенным перпендикулярно к основной плоскости материала. При таком соединении у основания подошвы образуется прямой треугольник, который при сострачивании плотно прилегает к заднему шву и придает устойчивость пяточной части обуви. Ушивальник плотно утягивается, расстояния между «строчками» от 10 до 15 мм. При соединении передней части союзок края накладывают бахтарма с бахтармой и стачивают стачным швом. В процессе утягивания ушивальника носочная часть приподнимается (рис. 3). Величина округленности и приподнятости носочной части зависит от степени величины заостренности передней части союзки (кожи). В дальнейшем пошив специфической хеттской обуви стали производить из двух и более частей: для подошв использовали более толстую кожу, а для верха заготовок — более тонкую из нескольких кусков.

Об обуви с высоко приподнятыми носками известно по памятникам хурритско-хеттской культуры (III—II тысячелетие до н. э.). К этому периоду можно отнести

ные фабрики Закавказья шьют трэхи как сувениры и они имеют хороший потребительский спрос.

пару горских бабмаков, реконструированную по глиняной модели из колонны Канни в современном городище Кюл-Тепе около города Кайсери (Турция). Раскопки

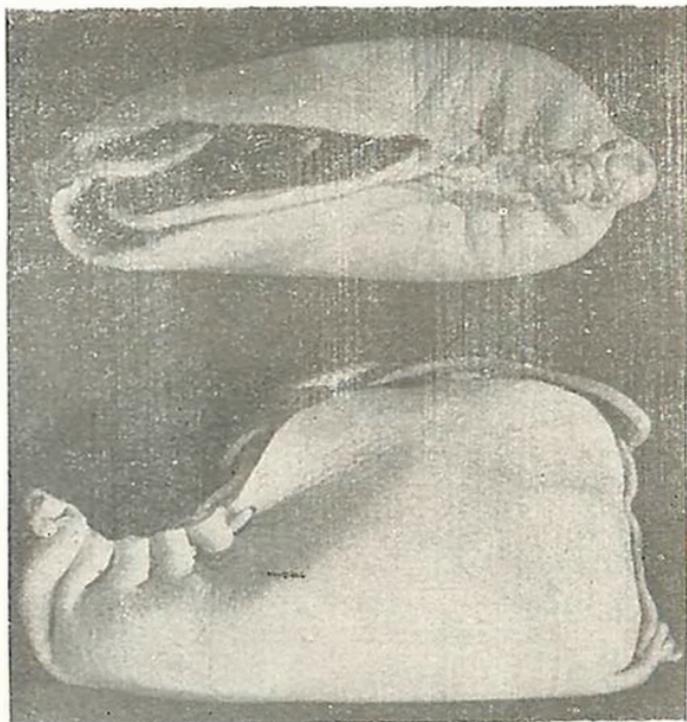

Рис. 3.

в Триалетти, Кировакаке и Лчашене, относящиеся к XVIII—XVI в.в. до н. э., дали много высокохудожественной серебряной и бронзовой утвари, среди которой на одном из триалеттских серебряных кубков изображены люди в коротких юбочках и обуви с загнутыми вверх носками (21, стр. 37, 38). Бабмаки с высотой

приподнятыми носками показаны и на снимке (рис. 2), где хеттский воин-вождь изображен в характерной одежде — остроконечная шапка, колоколовидная коротенькая юбочка, являющаяся как бы основной частью мужской одежды (49, табл. 39, рис. 1). Сходные виды одежды изображены на хеттских, ассирийских рельефах, а также на кзыл-ванской статуэтке XI—X в.в. до н. э.

Установлено, что в снаряжении и обмундировании воинов древних государств Армянского нагорья имеется много общего. Так, при сопоставлении изображений хеттского (А), урартского (Б) и ассирийского (В) воинов (рис. 4) можно найти общность между ассирийца-

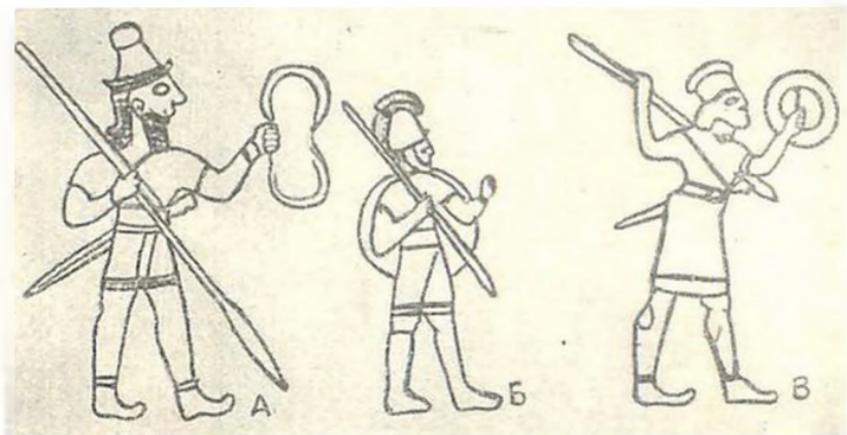

Рис. 4.

ми и хеттами в снаряжении, одежде, а также в обуви с приподнятыми носками. Несколько отличается урартский воин: у него длинный кафтан, другое вооружение и, главное, он обут в сапоги с высокими плотно приле-

Рис. 5.

гающими голенищами. Хеттская обувь с высоко приподнятым носком встречается и на древних каменных рельефах: в частности, в Стамбульском музее экспонируется каменная стелла из Малатии (856 г. до н. э.) с изображением бога бури (рис. 5). В музее Анкары демонстрируются рельефы (1060—800 г. до н. э.) с изображением торжественного жертвоприношения двум божествам (рис. 6) и богу погоды (рис. 7) также из Малатии. На указанных изображениях хорошо переданы характерные черты хеттской обуви с приподнятыми носками. Подобные виды обуви встречаются и на сосудах в виде

Рис. 6.

обуви, обнаруженных при археологических раскопках на территории Армении и других закавказских республик.

Надо полагать, что хеттская обувь с круто приподнятым носком, переходя из поколения в поколение, из века в век, получила широкое распространение не только в Армении и в Закавказье, но и в других странах мира. Академик Г. С. Читая, касаясь грузинской обуви

Рис. 7.

с приподнятым носком, пишет, что такая обувь имеет параллели в древневосточных памятниках определенного круга, «обувь с таким загнутым носком мы находили на хурритских, тешуб-хеттских памятниках» (59, стр. 312). В связи с этим возможно, что в начале второго тысячелетия хеттская обувь проникла в Центральную Европу и под влиянием моды видоизменялась и приняла причудливые формы. Иногда к такой обуви прикрепляли деревянные приспособления для защиты ног от грязи и холода. Ношение такой обуви становится привилегией господствующего класса. На стендах и в фондах исторического музея Грузинской ССР имеется множество образцов хорошо сшитой и богато оформленной обуви с узкими, причудливо приподнятыми носками, которая относится к XVIII—XIX в.в. (рис. 8, 9, 10), и безусловно принадлежала лицам из высшего сословия. Отметим, что золотые сандалии, одетые на ноги фараона Тутанхамона, также имеют приподнятые носки.

В коллекции обуви, экспонируемой в историческом

музее Грузии, наше внимание привлекла одна пара, которая имеет специальное обрядовое назначение. Это разноцветные художественно оформленные национальным орнаментом дагестанские вязаные женские сапожечки с резко выраженным загнутым носком (рис. 11). Такую обувь вязали сами девушки, готовясь к замужеству.

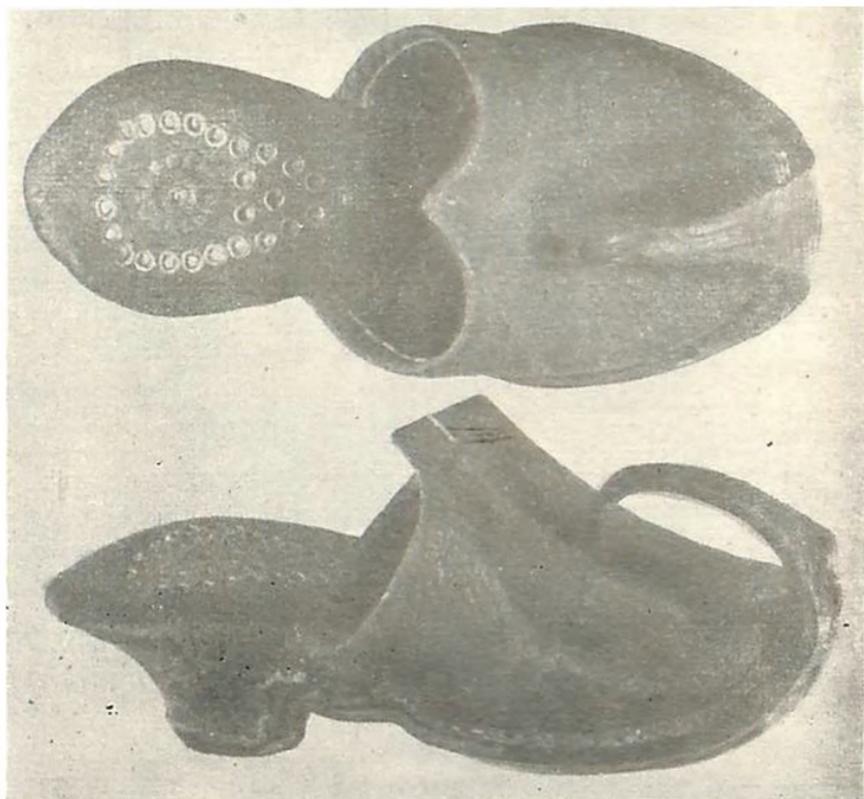

Рис. 8.

ству. Ее надевала невеста лишь один раз в жизни, во время свадебной церемонии, и все последующие годы ее жизни она хранилась в сундуке и она же сопровождала свою владелицу в могилу. Эта обувь, кроме характерных орнаментов, снабжена аппликациями из металла и ткани (59, стр. 314).

Предполагается, что создание столь сложных по тем временам конструкций обуви было тесно связано с учетом местных условий носки, так как человеку, обутому в обувь с загнутыми вверх носками и с несколько уширенным следом, значительно легче передвигаться по лесистым и занесенным снегом дорогам. Кроме того, по

Рис. 9.

покрою — заостренность носочной части — можно установить, что она делалась с целью устранения крупных складок, неизбежно образующихся при пошиве и носке

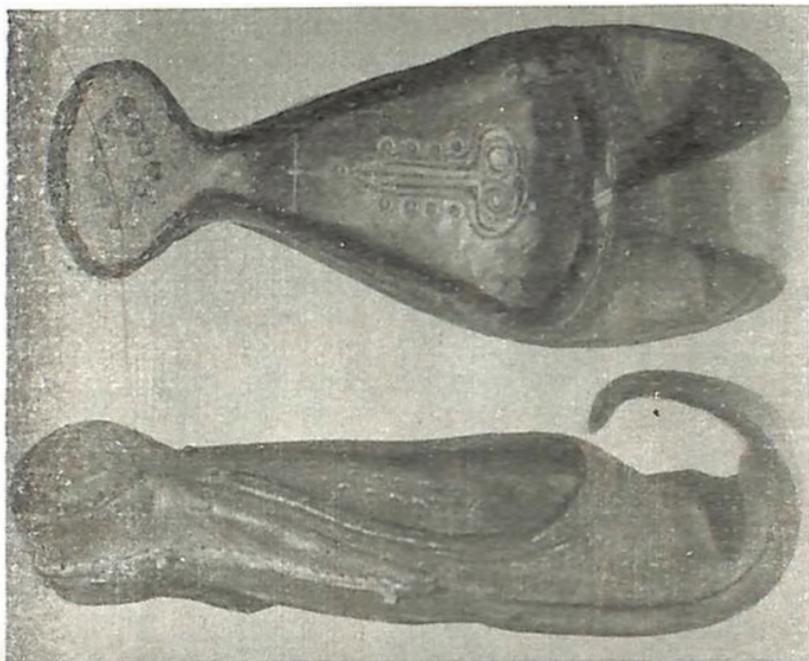

Рис. 10.

обуви с округленным покроем кожи. Возможно, что при создании обуви с загнутыми вверх носками имелось в виду и повышение срока износа подошвы в передней части².

Мы не имеем подлинных экспонатов обуви, которую носило древнее население Армянского нагорья, но мы

² Обувь с загнутыми вверх носками, дошедшая до нас из глубины веков, по сей день не утратила своего значения. Наши модельеры-обувщики работают над созданием новых видов домашней обуви и обуви детского ассортимента с использованием оригинальных элементов древней обуви. Кстати отметим, что выпускаемая Ереванской обувной фирмой «Наири» богато отделанная домашняя

благодарны нашим далеким предкам, которые своим умением и искусством смогли передать в глине отдельные виды обуви, шитой в древности. Среди обнаружен-

Рис. 11.

женская обувь с приподнятыми носками пользуется большим спросом у населения нашей страны и за рубежом.

ны при археологических раскопках на территории Армянского нагорья глиняных сосудов есть сделанные в виде обуви. Эти своеобразные сосуды-сапожки, привлекающие внимание своей оригинальностью форм, относятся к числу наиболее редких экспонатов и представляют значительный интерес для изучения истории развития обуви. Они своей простотой и строгостью форм донесли из далекого прошлого некоторые особенности обуви, во многом отвечают современным вкусам, требованиям и свидетельствуют о высоком развитии кожаного ремесла в Древней Армении. За многолетний период археологических разысканий на территории СССР установлено, что сосуды в виде обуви в основном обнаружены в Закавказье: на исторической территории Армении в Ереване, Нахичеване, Джульфе, Каджаране, Кафане, Горисе и Севане, т. е. в радиусе 80—100 км юго-восточной части древней Армении и на территории древнего могильного поля в Мингечауре (Азербайджанская ССР).

Там, где река Аракс входит в узкое ущелье близ Нахичевана, на отрогах находится старый армянский монастырь Кзыл-Банк. В районе этого монастыря в 1895 году офицером пограничной службы Н. В. Федоровым было обнаружено скульптурное изображение ноги, которая была окрашена в белую краску, на ней был показан сапожек или высокий башмак. Во время этих раскопок была также найдена статуэтка мужчины с отбитыми ногами. Она интересна тем, отмечает Г. И. Юне, что передает тип и одежду обитателя этой местности. Мужчина изображен бородатым, в высокой остроконечной папаче, одетым в короткий кафтан, перетянутый поясом. По предположению А. А. Сплицына, найденное изображение ноги принадлежит скульптуре.

В 1926 году археологическая экспедиция, руководимая проф. А. А. Миллером, обследовала в районе Кзыл-Ванка могильник, относящийся к периоду бронзы и раннего железа, и в составе могильного инвентаря обнаружила глиняный сосуд в форме стилизованного сапожка (рис. 12). Погребение, в котором был обнаружен сосуд, находилось в каменном ящике, сложенном из больших каменных плит (28, стр. 44, 53).

Рис. 12.

Сосуд-сапожек из Кзыл-Ванка хранится в фондах музея истории Азербайджана (инв. 639/3176). Этот сосуд достаточно хорошо сохранился. В общих чертах он напоминает форму современного тяжелого кирзового сапога. Однако кзыл-ванский сосуд сохраняет и особенности кавказского сапожка: слегка заостренный носок, плоская подошва без каблука. Как мы увидим ниже, эти черты сближа-

ют его с другими сосудами-сапожками, обнаруженными при археологических раскопках на территории Армении.

Кзыл-ванский «сапожек» сделан грубо и неаккуратно, в манере стилизованной лепки. Модель передана в общих геометрических формах. Так, например, пятка, ступня, голенище лишены округлых очертаний, придающих ноге стройность и своеобразную красоту. Эти де-

гали вылеплены прямоугольными, что делает сосуд тяжеловесным и неизящным. Неаккуратный, грубый характер лепки отразился и на внешнем оформлении сосуда. Как внутренняя поверхность, так и наружная, не отглажены. Линия верхнего среза неровная — одна часть среза несколько перекошена, орнаментальный узор лишен строгости и четкости. Он состоит из неширокого пояса, идущего по окружности сосуда несколько ниже верхнего среза, в виде двух параллельных прямых линий, поле между которыми заполнено ромбической сеткой. Керамическая масса, из которой сделан сосуд, низкого качества. Цвет ее темно-бурый. Черепок рыхлый и непрочный. Он расслаивается и крошится на изломах и размокает в воде, что позволяет сделать предположение о том, что сосуд не был предназначен для бытового пользования. Нужно добавить, что поверхность сосуда-сапожка в местах предполагаемых швов и шнуровки покрыта линией точечного пунктира, частично заполненного инкрустацией. Сосуд в вертикальном положении устойчив, имеет петлеобразную ручку. Емкость сосуда около 1,5 л., высота 17 см., диаметр верхнего среза 9,5 см., ширина ступни около 5 см., длина ступни 13 см., толщина черепа 0,5 см (28, стр. 45).

В 1959 году археологами С. А. Есаяном и А. Н. Шагиняном в погребениях поселка Давид-Бек, Кафанского района, на правой стороне дороги, ведущей в Каджаран, обнаружен уникальный керамический сосуд в виде спаренных саног (рис. 13), которые хранятся в Государственном историческом музее Армении (ГИМА) (инв. 2138). Давид-бекский двойной сосуд-сапожки является наиболее интересным образцом гончарного изделия, сделанного без гончарного круга, с большим художественным мастерством, приближающимся к искусству скульптурной лепки. Он отличается от других подобных

изделий тонкостью моделировки, тщательностью внешней отделки, своеобразным изяществом и относится к лучшим изделиям гончарного искусства XI—X в.в. до

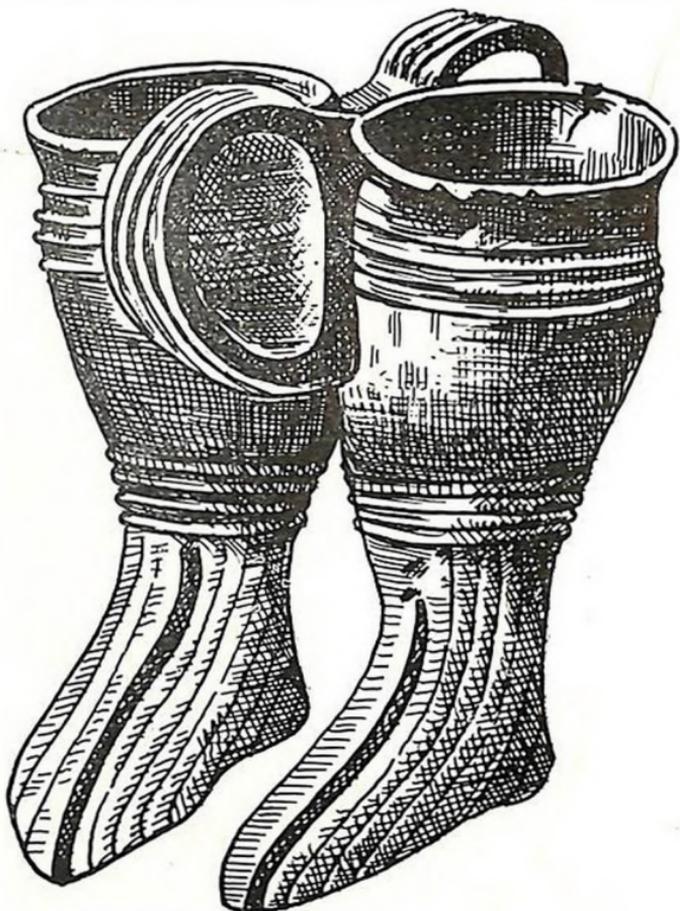

Рис. 13.

н. э. Сосуд своей формой реалистически воспроизводит мягкую выворотную обувь, сшитую внутренним швом, и всеми своими особенностями соответствует современным кавказским сапожкам, а именно: высокие голенища, плотно охватывающие голень до коленного сустава, плоский и слегка заостренный носок, плоская подошва без каблука. Благодаря пластичности глины хорошо передается особенность фактуры тонкой кожи и ее эластичность. Верхней части «голешища» придана форма вытянутого узкодонного кубка с широкой горловиной, украшенной снаружи полосками глубокой нарезки. На корпусе (сосуда) путем лощения выделены треугольные фигуры, заполненные иногда зигзагом, более детально и реалистично выполнены контуры ступни и очень характерный плоский носок (34, стр. 149; 22, стр. 199).

Спаренные кубки в виде сапог сообщаются между собой круглым отверстием диаметром 2 см. Высота сапожка — 20 см., диаметр голенищ — 10 см., емкость сосуда — один литр.

Описанный сосуд-сапожки имеет еще одну интересную особенность, а именно: ручка сосуда расположена в центральной части, оставляет края свободными для удобства питья, а сквозное отверстие позволяет жидкости переливаться из одного кубка в другой. Кроме того, емкость кубка в один литр характерна в том отношении, что многие современные роги для вина имеют такую же емкость (25, стр. 200). Эти данные свидетельствуют о том, что кубки-сапожки имели бытовое назначение, украшая стол, и употреблялись в особо торжественных случаях.

Давид-бековский спаренный сосуд-сапожки, пишет профессор А. А. Мартиросян, не имеет близких аналогов среди известных нам материалов. Наиболее близкий

образец, с чашевидным оформлением верхней части и загнутым кверху носком, происходит из могильника Асанлу (Иран), где найден также сосуд, комбинирующий пару «сапожков», относящихся к XI в. до н. э. и принципиально идентичных иранских образцов, позволяющих считать их предметами одного и того же периода (34, стр. 150).

Мы затрудняемся установить точную конструкцию заготовки рассматриваемого сосуда-сапожка. Но, судя по оригиналу, можно предполагать, что с целью лучшего облегания союзковой части и во избежание складок, неизбежных при цельном покрое, заготовка (верх) собрана из трех деталей хорошо выработанной мягкой эластичной кожи: две детали для наружной и внутренней части передов, выкроенные до узкого места голени, и одна деталь для верхней части голенища, выкроенная до коленного сустава. Видимо, сборка заготовки началась с соединения двух половинок передов по продольно-подъемной линии ступни, затем сострачивались части голенища (верхняя с нижней). Перед соединением задних краев голенища производили настрачивание орнаментальных линий (на снимке их четыре) и в завершение отстрачивали задние края голенища³.

Исключительный интерес представляет группа весьма оригинальных миниатюрных сосудиков в виде полу-сапожков, экспонируемых в Государственном историческом музее Армении (инвент. 2175/3, 2175/2, 2175/1). Эти сосудики найдены в каменном ящике при строительных

³ Спустя более трех тысячелетий сапоги с тугоприлегающими голенищами получили широкое распространение в нашей стране и за рубежом. В настоящее время к модной обуви относятся женские сапоги, сшитые из натуральной и синтетической кожи, которые по внешнему оформлению и виду мало чем отличаются от рассматриваемого сосуда-сапожка (если не считать каблука).

работах в Каджаране. Миниатюрные сосуды представлены в трех экземплярах и составляют уникальную группу массивных сапожков, комбинированных с чашами открытого типа в части голенища (34, стр. 149).

Описанные керамические сосуды сапожки и особенно рассматриваемые миниатюрные сосудики свидетельствуют о высоком мастерстве гончаров—создателей этих уникальных произведений древности. С полной уверенностью можно сказать, что эти мастера древнего гончарного искусства не только в совершенстве владели

своим искусством, но и хорошо знали стопу и сапожное ремесло. Совершенно очевидно, что для производства глиняных сосудов, с реалистическими подробностями изображающих обувь, необходимо знать не только гончарное искусство, но и строение, и размеры стопы. Об этом свидетельствует

Рис. 14.

передача характерных особенностей стопы, конфигурации следа стопы, плавных и точных переходов пяточной части и подъема стопы в рассматриваемых образцах сосудов. Они совершенно реалистично воспроизводят тип местной мягкой

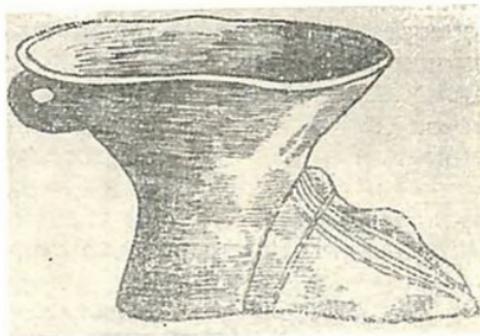

Рис. 15.

сапожков с петлеобразными ручками круглого сечения (рис. 15, 16), но последние отличаются довольно резким переходом в пяточной части по продольной, поперечной линиям с обеих сторон подъема.

Описанные сосуды-сапожки Каджарана, резко отличаясь от давид-бековского сосуда оформлением верхней части, вполне совпадают с ним по геометризированной моделировке обуви, выступами и линиями на подъеме, отсутствием какой-либо другой ornamentации, заменяющей детали (34, стр. 150). Кроме того, они

обуви, плотно прилегающей к ноге. На безручном сосудике, имеющем отверстия (рис. 14), с исключительной точностью переданы углубления ступни и плавный переход ступни и сборка мягкой кожи в суставной части. Это характерно и для сосудоз-

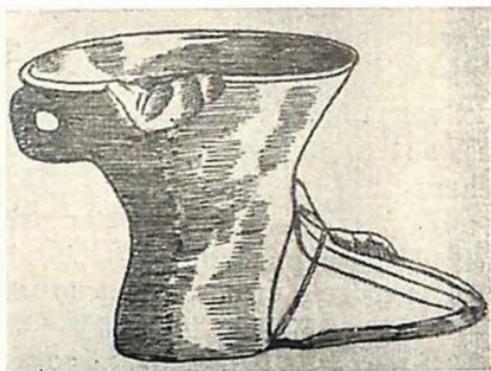

Рис. 16.

отличаются и по назначению: возможно, что все три сосуда предусмотрены были для культурных целей и служили лампадами, но и не исключено, что они использовались в быту как светильники. На это предположение наводит конструкция верхней части сапожков — небольшое углубление в виде блюдечка (1,5—2,5 см), отверстие и выемка для фитиля. Сосуды-сапожки Каджарана имеют также большое сходство в оформлении ступневой части с сапожком из Кзыл-Ванка и относятся к XI в. до н. э. Отмеченные черты рассматриваемых сосудов-полусапожков настолько близки, что создается впечатление, будто они сделаны не только в одной мастерской, но и одними руками.

Рис. 17.

Во время строительства Джульфинской железной дороги инженером Г. К. Васильевым был найден весьма оригинальный сосуд в виде башмачка-ботинка (рис. 17), который хранится в историческом музее Грузии, инв. № 225149 и датируется XII—X в.в. до н. э.

Этот сосуд имеет форму ботинка со слегка приподнятой носочной частью и относится к группе обуви типа **мокасин**. К такому выводу приводят нас орнаментальные линии, нанесенные на сосуде, которые показывают, что союзковая часть заготовки состоит из накладной детали, а соединение верха (заготовки) с подошвой произведено бортовым методом. Именно этими особенностями отличается группа обуви типа **мокасин**.

Оригинальность сосуда-башмачка заключается еще в том, что в верхней части вмонтирован миниатюрный бомбовидный (шаровидный) сосудик в виде горшочка, и по линии заднего шва башмачка между горшочком и верхней частью берца выведена трехсантиметровой длины трубочка с наружным диаметром в полтора сантиметра. Емкость сосудика не более 0,2 литра. Сосудик изготовлен из качественной глины, имеет полный и хороший обжиг. Внутренние и наружные стороны исполнены чисто и аккуратно. Сосуд устойчив в вертикальном положении.

Отмеченные качества и размеры сосудика позволяют считать, что он, как и каджаранские, имел культовое значение и служил лампадой или светильником.

На осушенной территории озера Севан, в Лчашенских грунтовых погребениях, были обнаружены разновременные комплексы керамических изделий. В одном из таких погребений археологом А. О. Мнацаканяном в 1961 году был обнаружен глиняный сосуд — кубок в виде «сапожка» с черной блестящей поверхностью, относящийся к концу первой половины второго тысячелетия

(рис. 18)⁴. Сосуд-«сапожек» из Лчашена хранится в ГИМА (инв. 2188/188). Оригинальность «сапожка» не только в его «почтенном возрасте», который относит его

Рис. 18.

⁴ С разрешения автора находки археолога А. О. Мнацаканяна сосуд-«сапожек» описывается впервые, за что приносим нашу благодарность.

к наиболее ранним памятникам Армении этой группы, но и в том, что в нем заключены моделировки, характерные для современных «кавказских» и женских сапожек. Сосуд-сапожек реалистически воспроизводит мягкую выворотную обувь с подошвой, сшитую выворотным швом, и во всех особенностях соответствует современным женским сапожкам с тугоприлегающими голенищами до коленного сустава. Верхняя часть голенища сделана в виде шаровидного миниатюрного горшка, имитирующего коленный сустав. На рассматриваемом кубке-«сапожке» с большой точностью передана довольно сложная конфигурация ступни, наиболее трудная и неудобная для лепки. «Сапожек» заслуживает внимания и бортовым соединением подошвы с верхом голенища. Черноблестящая поверхность, легкость, совершенное исполнение в виде конусообразного кубка, тщательность внешней и внутренней отделки придают сосуду особое изящество. Емкость в 0,5 литра, устойчивость в вертикальном положении, водостойкость и водонепроницаемость позволяют отнести глиняный кубок-«сапожек» к бытовым предметам и предполагать, что он использовался в особо торжественных случаях для питья вина.

В Горнесском краеведческом музее экспонируются два глиняных сосуда в виде сапога с черноблестящей поверхностью: один с ручкой (рис. 19), другой без нее (рис. 20). Указанные «сапожки» были выявлены летом 1961 года в разрушенном погребении села Лици Сясанского района Армянской ССР. По внешнему оформлению отмеченные сосуды-сапожки можно отнести к группе сапог с более высокими голенищами, а по их изяществу и конструкции — к более строгим видам. Любопытно отметить, что среди кол-

Рис. 19.

жены кольцеобразные пояски в разном количестве. В обоих сапожках-сосудах ступени переданы в общих чертах, схематично. За неимением точных доказательств можно только предполагать, что рассматриваемые сосуды-сапожки являются продуктом одной мастерской, а может быть и одного и того же мастера.

Второй, не имеющий ручки сиснанский сосуд-сапожек (рис. 20), интересен тем, что «голешище» у него, как и у давидбековского спаренного сапога, смоделировано из трех кусков. Но, в отличие от давидбековского, сис-

лекции сосудов-сапожков, добытых археологическими раскопками в Минге-чауре, на территории древнего могильного поля, имеется сосуд-сапожек, который мало чем отличается от сиснанского сосуда-сапога, с петлеобразной ручкой (рис. 21). При их сравнении обнаруживается очень много общего по форме, стилю, характеру лепки и по размерам. Оба сапога сделаны в виде высокого конусообразного кубка, в верхнем срезе сосуды окаймлены бортиками, ниже которых располо-

анский сконструирован по типу современного рабочего сапожка, т. е. перед отделены от голенища. Соединение в узкой части голени такое же, как и в давидбековском, но без художественного оформления. Эти сосуды-сапожки датируются XIII—X вв. до н. э., и, по-видимому, имели бытовое назначение.

Из нашего краткого изложения видно, что народности, населявшие территорию Армянского нагорья, уже во втором тысячелетии до н. э. в совершенстве владели сапожным ремеслом и шили обувь довольно сложной кон-

струкции. Однако, как уже отмечено, особенно высокое развитие ремесленное хозяйство, в том числе и сапожное, достигло с образованием в IX в. до н. э. государства Урарту, которое стремилось «дать усиленное впечатление богатства» (43, стр. 122). И это стремление восприняли мастера, ремесленники; они использовали в своих произведениях исторически сложившиеся орнаментальные формы, изобразительные элементы, технические приемы. Ремесло становилось источником обогащения форм декоративного и изобразительного искусства. «Прикладное искусство, ремесло отражало изменчивость вкусов, включало в свою структуру не

Рис. 20.

Рис. 21.

Армении, можно с уверенностью сказать, что урартские мастера в совершенстве владели не только гончарным производством, но и искусством производства обуви. Установлено, что наиболее распространенными и характерными урартскими керамическими изделиями являются красные глиняные сосуды, дощечные до блеска, которые по форме совпадают с различными видами металлических сосудов (45, стр. 108). Именно к таким видам керамических изделий можно отнести указанные кубки-сапожки, найденные в 1959 году в Кармир-блуре. Они с большой точностью воссоздают особенности обуви урартских солдат. В музее Анкары

только местные традиционные образцы, но и те, которые приносили с собой иноземные заказчики» (50, стр. 9).

Подтверждением сказанному может служить большое количество великолепных изделий VIII—VII вв. до н. э., найденных при археологических раскопках холма Кармир-блур (Красный холм). Среди этих изделий обнаружены в одной из кладовых урартского города Тейшебаши уникальные по мастерству и исполнению кубки в виде сапог (рис. 22, 23). Изучая оригиналы сосудов-кубков, которые хранятся в Государственном историческом музее

экспонируется барельеф IX в. до н. э. из Малатии, изображающий деталь торжественного шествия урартских воинов, где урарты одеты в стянутые широким поясом

Рис. 22.

длинные до колен рубахи с короткими рукавами. На головах у них шлемы с гребнем, а ноги обуты в обувь с

Рис. 23.

высокими бердами-големищами, туго зашнурованными до коленного сустава (рис. 24). Об одеянии урартских воинов-всадников мы также узнаем по изображениям на бронзовом поясе, найденном при раскопках урартской крепости Эребуни. Они одеты в длинные платья, поверх которых тяжелые панцири из металлических чешуек, и обуты в высокие зашнурованные ботинки типа сапог (34, стр. 245). О характерных особенностях урартской обуви известно и по одеянию урартских полков, изображенных на рельефах дворца ассирийского царя Ашурбанипала (884—859 г.г. до н. э., рис. 25).

Однако барельефные изображения плохо передают особенности урартской обуви, по ним почти невозможно дать хотя бы общую ее характеристику, и поэтому кармир-блурские глиняные сосуды-сапожки представляют определенный интерес для изучения обуви с точки зрения моделирования. Прежде всего эти сосуды донесли до нас из глубины веков общие черты урартской обуви — торжественность и изящность. Судя по рисункам и орнаментальным линиям, их можно отнести к усовершенствованным сапогам. Урартские сапожники стремились сделать обувь удобной, износоустойчивой и в то же время красивой, добивались все большего разделения обуви на детали. Именно это мы замечаем на рассматриваемых кубках-сапожках: отрезные носок, задники и переды, заполненные шахматными узорами и кружками, нанесенными на верхнюю часть голенища и в местах отрезного носка — по продольной линии ступни, а места соединения нижней части голенища украшали строчечные соединения (рис. 22). На рассматриваемом кубке-сапожке точно передана шнуровка — ее место и величина. С точки зрения художе-

Рис. 24.

ственного оформления неменьший интерес представляет второй кубок-сапожек (рис. 23). Здесь в местах строчечных соединений, нанесены узорные линии с треугольного штампа, точно повторяющие линии швов. Особый интерес представляет бортовое соединение по-

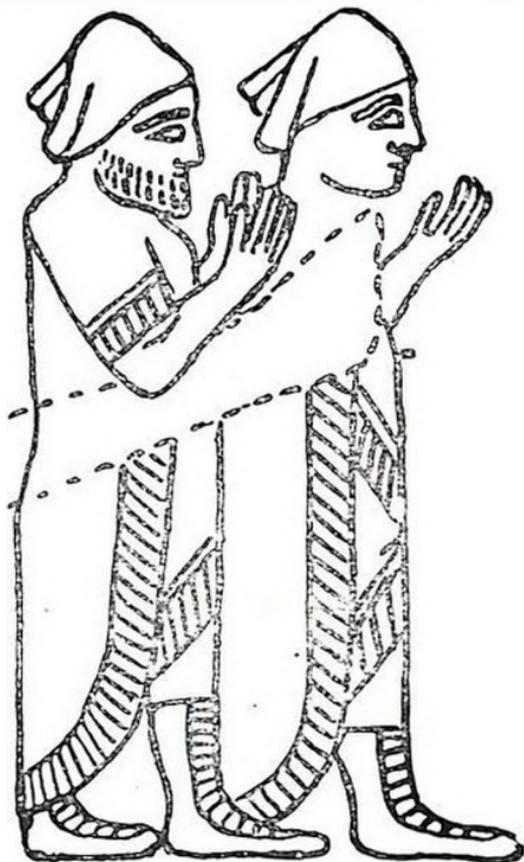

Рис. 25.

дошвы с верхом сапога. Все эти конструктивные изменения позволили нашим далеким предкам шить обувь, которая по всем своим показателям соответствует современным мужским (кавказским) и женским сапожкам, с тугоприлегающими и высокими берцами на шнурках. С точки зрения назначения надо предполагать, что факт обнаружения указанных сосудов в крепости, вблизи винных кладовых, свидетельствует о том, что они были предназначены для использования в быту, в частности, для питья вина высокопоставленными чиновниками крепости Тейшебанин. Доказательством этому служит не только художественное оформление декоративно-прикладным орнаментом, характерным для урартского искусства, внешний вид которого соответствует орнаменту современных массивных бокалов-фужеров емкостью 0,5 литра, но и качество их исполнения — водостойкость и изящество.

Изучением барельефов первого тысячелетия до н. э. установлено, что в Древней Армении, кроме широко распространенной обуви с высокими голенищами или берцами на шнурках, применялись и голенища-гетры, которые служили не только для защиты ноги—голеи, но и для украшения. Об этом свидетельствует историк Себеос, который отмечает, что царские или княжеские **голеища-гамаша** имели также красивые украшения из драгоценных камней и жемчуга (48, стр. 102).

На всех рассматриваемых барельефах с изображением людей, обутой в обувь, глиняных сосудах в виде обуви и других материалах, описывающих или иллюстрирующих обувь, она представлена без каблука, и нет никаких данных, указывающих на то, что в обуви древних времен применялся каблук. Однако, надо полагать, что каблук в обуви все-таки был, но не наружный, а внутренний. Наше предположение основывается на том,

что человек не мог на протяжении многих тысячелетий не заметить, что при ходьбе в обуви без приподнятой пяточной части корпус тела наклоняется вперед, а пяточная часть ступни отрывается от поверхности земли и находится в воздухе, вследствие чего вся тяжесть тела падает только на подметочную часть ноги. При опоре же на полную ступню, т. е. при постоянном нажатии на пятку, без возвышенности, тело несколько склоняется назад и на его «выравнивание» требуется дополнительные затраты сил. Все эти явления не могли пройти незамеченными, так как они отрицательно сказывались на трудовой деятельности. И здесь на помощь человеку приходит его изобретательность: при изготовлении обуви он на пяточную часть с внутренней стороны путем насаивания из нескольких кусков кожи (фликов) создавал необходимое утолщение. Кроме того, утолщение удлиняло срок износа подошвы под пяткой и увеличивало рост человека. Ксенофонт, описывая мидийский костюм, отмечает, что «это платье скрывает телесные недостатки того, кто хочет выказываться красивее и выше. Мидяне носят башмаки такого рода, что в них незаметно можно подложить что-нибудь, чтобы казаться выше, чем на самом деле» (32, стр. 256). Отсюда можно предполагать, что внутренний каблук в древней обуви был.

Позже, в период развития культуры железа (XI—X в.в. до н. э.), с появлением металлических гвоздей, стелек и с развитием методов затяжки и крепления обуви, появляется возможность применять наружный каблук. Так, в силу жизненной необходимости, с древних времен в обуви стал применяться каблук вначале внутренний, а затем наружный, и с тех пор он является неотъемлемой частью обуви.

О том, что на территории Армянского нагорья обувь

с наружным каблуком начали шить с древних вре-
мен, свидетельствует дошедшее до нас изображение
одеяния знатного мидянина (рис. 26) с рельефа в Пер-
сеполе в Дуршарукине (VIII в. до н. э., 22, стр. 365).

Рис. 26.

где мидянин обут в
обувь наподобие совре-
менных полуботинок на
каблуках. Говоря о воз-
никновении наружных
каблуков, небезынтерес-
но привести мнение про-
фессора Г. Гояна (18,
стр. 23, 428) о происхож-
дении подставок-котур-
нов, которые применялись
в V—II в.в. до н. э. в ан-
тичном театре. Он сме-
чает, что актеры антич-
ного театра, в том числе
и древнеармянского, не-
исполняющие роль богов и
других священных пер-
сонажей, не должны бы-
ли стоять на одной плоско-
сти с актерами, испол-
няющими роли простых
людей. С этой целью для
актеров, исполнявших
роли божественных лиц,
был создан пьедесталь-
чик. Однако актер, взо-

бравшись на пьедестальчик, не мог стоять на одном месте, он должен был двигаться по сцене, а для этого надо было сойти с пьедестала или двигаться вместе с ним. Но спускать бога с пьедестала на землю, поставить «на одну доску» с простым человеком было святотатством. У актера оставался только

один путь — двигаться по сцене вместе с пьедесталом, не сходя с него, но это создавало большие трудности,

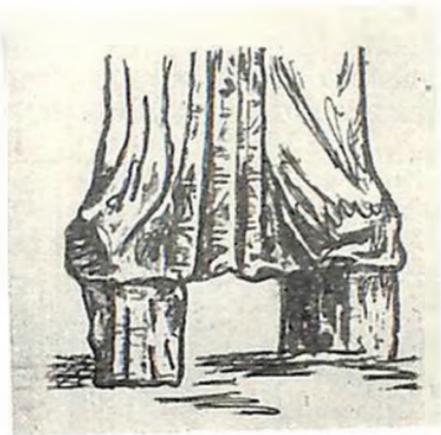

Рис. 27.

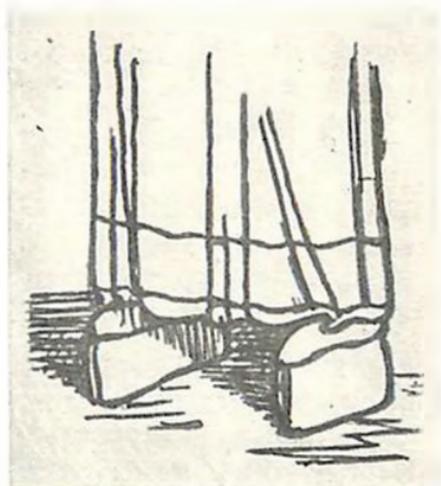

Рис. 28.

было мучительно и тяжело, и для их устранения пьедестальчик разрезали на две половины и каждую из них привязывали к ногам актера (рис. 27).

Так были изобретены котурны. Для дальнейшего облегчения игры актеров котурны совершенствовались. Чурбаки под ногами актеров обтесывались по ноге (рис. 28). Так вырисовывается начало той линии в эволюции котурнов, ко-

торая привела к созданию высокого каблука (рис. 29). И, наконец, котурн превратился в высокий каблук (рис. 30). Примерно так же можно объяснить и появление обуви на подставках (жотурне — рис. 31), которые изготовлялись симметрично, т. е. так, что каждую полупару можно было надевать на правую и на левую ногу. Такую обувь в основном изготовляли на 8—10 сантиметровой деревянной «подошве» (подставке) и использовали для ношения на выходе вне дома и в бане. Для более богатой части населения населения женского пола под-

Рис. 29.

Рис. 30.

ставки богато инкрустировали перламутром или другими украшениями. Верх обуви, предназначенной на выход, обтягивали из дорогостоящего сукна, парчи, атласа, по внешнему виду она напоминает современную женскую летнюю обувь на сверхтолщенной пла-

форме. Отметим, что появившаяся в средневековой Армении деревянная обувь имела своим предшественником именно котурны. Она получила широкое распространение среди знатных армянок (рис. 32), потому что на такой обуви не побежишь и даже не ускоришь шаг, она способствовала строгой медленной и торжественной походке, что отвечало требованиям знати женского пола того времени.

В дополнение к вышеизложенному можно сказать, что в наши дни во всех христианских храмах священник во время богослужения обязан подниматься на амвон, стать выше массы молящихся, а в армянских церквях священник, совершающий «патарак» (службу), надевает еще особую обувь с высоким каблуком (рис. 42).

Рис. 31.

С образованием в VI—V в.в. до н. э. армянского государственного строя спрос и потребность в обуви значительно повышается. Надо было создавать новые, более совершенные и богато оформленные виды обуви для царя и его семьи, знати, жрецов, обувь, которая соответствовала бы все усиливающемуся экономическому, политическому и культурному расцвету нового государства.

Обувь требовалась и для римских, византийских

войск и для войск других государств древнего мира, которые вели непрерывные войны на территории Армянского государства. Потребность в обуви увеличивается и в связи с расширением торговых и экономических связей с соседними и дальними странами. В связи с этим обувное дело развивалось исторически, путем передачи опыта производства обуви из поколения в поколение, из века в век и не случайно, что многие виды современной обуви являются прототипом обуви древних времен. Известно, что в Греции, а затем и в Риме развивалась и шилась обувь в основном открытого типа, в виде

Рис. 32.

сапаллий, и эта обувь, в зависимости от общественного положения людей, совершенствовалась как по конструкции, так и по цвету и отделке. Для воинов и путешественников разрабатывалась специальная обувь — также открытого типа. На территории Армянского нагорья, как уже указывалось, развивалась и шилась обувь в основном закрытого типа, в виде башмаков и сапог. Не случайно, что обувь иноземных завоевателей не была приспособлена для ношения в суровых климатических условиях Армении и им приходилось заменять свою обувь местного (армянского) изготовления. Об этом свидетельствует описание Ксенофонтом отступления греков через Армению (400—401 г.г. до н. э.): «...Для предохранения ног надо было непрестанно двигаться, не успокаиваясь ни на минуту, а на ночь разуваться. Если кто-либо ложился, не сняв обувь, то ремни врезались в ноги, и обувь примерзала, ведь поскольку старая обувь изнасилась, башмаки, так называемые карватны⁵, были сделаны из недавно содранной бычьей кожи» (31, стр. 123). Именно к этому историческому периоду надо отнести начало развития и совершенствования армянской народной обуви. Значительный интерес представляют свидетельства греческого историка Страбона (около 63 г. до н. э.— 20 г. н. э.) и армянского историка XI века Товмы Арцруни о бытовании среди армян древних снеговых башмаков—ступательных лыж (лакан) и «сапог, утыканных шипами». «Зимой и летом,—писал Страбон,—вершины гор недоступны, люди поднимаются на них, подвязывая к ногам из-за снега и льда утыканные шипами куски сыромятной бычьей кожи по форме в виде литавр. Спускаться им приходится со своей

⁵ Обувь, вроде башмаков, изготовленная из ремней.

кладью, лежа на шкурах и скользить по льду так же, как это делается в атропатийской Мидии и на горе Масий (Масис) в Армении. Там, однако, подкладывают под подошвы сапог, утыканных шипами, деревянные колесики» (51, стр. 479). О существовании своеобразной обуви для передвижения по снегу сообщает Товма Арцруни, имея в виду Сасун и сасунцев (ныне Битлисский вилайет Турции), он писал: «Веледетские рыхлости снега, когда легко провалиться в него, изготовляли для себя деревянные приспособления, которые привязывали к ноге веревкой, чтобы передвигаться по снегу, так, словно по твердой земле» (10, стр. 203).

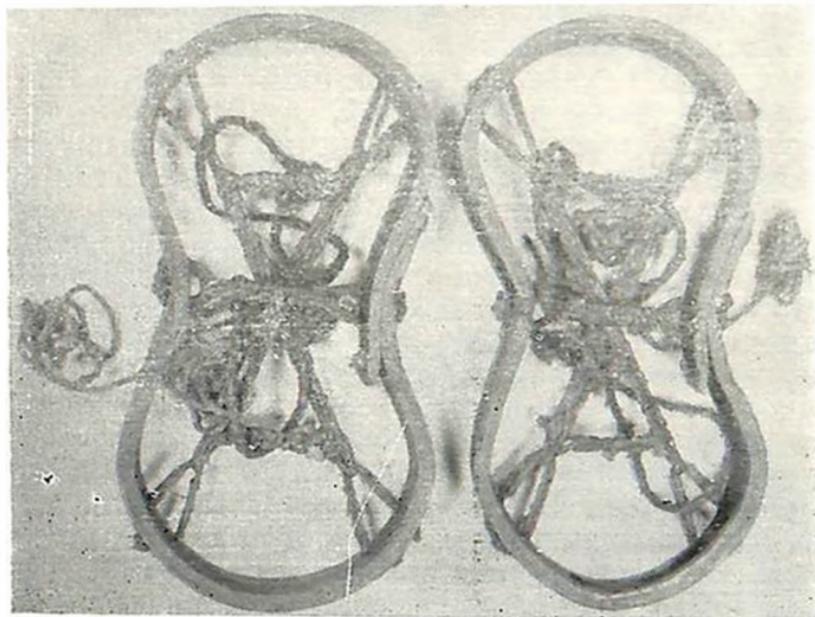

Рис. 33.

Показательно, что те же сасунцы до конца XIX — начала XX века использовали специальное приспособление, известное под названием лакан (рис. 33, ГИМА, инв. 3882). Лакан изготовляли из 2—3-годичных корней красной ивы, которая имеет повышенную прочность, хорошую эластичность и сравнительно небольшой вес. Для изготовления лакана выбирали корни с равномерным диаметром 4—6 см и длиной 100—120 см; такой корень с двух сторон обстругивали до толщины 1 см и получали доску в виде обычной линейки, которую размягчали кипячением в воде. На ровной поверхности земли вбивали колышки с таким расчетом, чтобы они имели очертания левой и правой ног. Распаренную и размягченную доску пропускали между колышками и в таком виде высушивали в течение нескольких дней. Полученную в виде восьмерки раму протягивали кожаными ремнями или плотной конопляной веревкой и оставляли концы для укрепления лакана на ноге. Лакан прикреплялся к обутой ноге (41, стр. 178). По всей вероятности, упомянутые Страбоном «деревянные колесики» и описанные Товмой Арцруни «деревянные приспособления» являются разновидностями этого лакана⁶. О некоторых видах и формах древней и средневековой обуви мы узнаем по великолепным армянским миниатюрам, которые благодаря высокому исполнительскому мастерству хорошо сохранились и дошли до наших дней. На этих миниатюрах передано вооружение коней и всадников (рис. 39). Оно состояло из разнообразных палашей, тесаков, мечей, дротников, секир. Конни имели крепкую броню, к их животу прикреплялись специально изготовленные пластины в форме

⁶ Примечательно, что во время Отечественной войны, в 1944 г. бойцы Белорусского фронта предложили приспособление наподобие лакана для перехода через заболоченные местности Белоруссии.

щита. Всадники облачались в доспехи (рис. 39, 17, табл. 16, 20) — на голове шлем, на руках нарукавники, на бедрах набедренники, на ступнях башмаки подобные поножкам (гетры-зангапан).

Армения — страна горная и каменная, и поэтому в числе ее войск имелись полки, которые назывались «каменоходными». Их обучали карабкаться по отвесным горным склонам, использовали при осаде замков и крепостей, которые в большинстве случаев строились на вершинах неприступных скал. «Каменоходы» были укрыты широкими кожаными щитами (ваган). По сообщению историка Товмы Арцруни, для защиты солдат от огня, щиты, по форме балдахина, и одежду изготовляли из шерсти и льна, вытканых в смеси с козьей шерстью. Эти щиты привязывались к плечам солдат (рис. 34) и имели большое ударное сопротивление, так как «стрелы ударялись в эту непроницаемую броню и отскакивали, точно легкие перья» (47, стр. 250). Воины «каменоходных» полков были обуты в сапоги с высокими, туго прилегающими голенищами, на подошве с «утыканными шипами» (рис. 35, 17, табл. 24).

Обувь с утыканными на подошве шипами получает широкое распространение у простого населения, и особенно в горных районах, где обычная кожаная являлась препятствием (имеется в виду скольжение) при подъемах и спусках по скалистым горным тропинкам и быстро изнашивалась. С целью удлинения срока носки обуви с древних времен населением, и особенно сасунцами, был выработан специальный вид обуви, изготовленный из конопли и волос, так называемый харук (рис. 36, 41, стр. 168). Изготовление харука было связано с большими трудностями и требовало большого опыта и навыков. Надо отметить, что харук не шили как обычную обувь; в народе говорили харук г"ррнел.

Рис. 34.

т. е. сделать, сплести харук. Способ плетения харука представляет определенный интерес, поэтому мы попытаемся описать его в общих чертах. Прежде всего отметим, что для одной пары харука брали 220—230 граммов некрученой конопляной нити, 50 граммов истрепанной—расчесанной конопли, 50 граммов конопляной крученой нити и «две жмени по руке заказчика мелко разрезанных волос». Волосы, превращенные в войлок и в полупросушенном виде в зависимости от размера ноги заказчика вытягивали или укорачивали по

Рис. 35

длине и ширине, с двух сторон накладывали (расстилали) расчесанную коноплю и крупными строчками некручеными конопляными нитками прихватывали к волосяному войлоку. Затем прочными кручеными конопляными нитками, используя специально выработанную строчку, в виде плетенки, с двух сторон, по всей поверхности заготовки пристрачивали (сплетали). После чего полупара харука смачивалась водой и путем колочения (толчения) придавалась форма левой или правой ноги. Оформленный по ноге харук обрабатывался сложным ниточным переплетением (строчкой) и в завершение харук прострачивался специально сплетенной из-волос тканью. По желанию заказчика на

подошвенной части харука рядами прикрепляли мелкие или крупные, но обязательно острые шипы (41, стр. 170, 171). Такая обувь использовалась преимущественно зимой — для передвижения по снегу и льду. Срок носки харука определялся в 2—3 года. Надо полагать, что такой вид обуви имел широкое распространение не только в горных районах, но и в некоторых равнинных местностях Армении. И не случайно, что обувь на шипах, дошедшая до нас из глубины веков, и в наши дни имеет широкое распространение среди спортсменов и, в частности, у альпинистов и футболистов. В Государственном историческом музее Армении экспонируется национальная армянская обувь XIX в., на подошве которой имеются бронзовые шипы (рис. 37, инв. 2370), напоминающая современную обувь для альпинистов и футболистов.

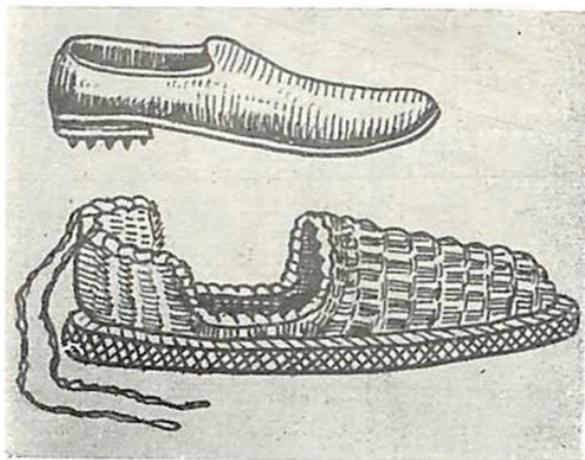

Рис. 36.

Помимо описанных видов обуви в древней Армении было известно и много других интересных образцов и в зависимости от классовой принадлежности потребителей они отличались как по конструкции, так и по цвету и отделке. Стремление наиболее влиятельных слоев общества к роскоши и послужило причиной распространения среди знати богато украшенной обуви. Некоторые исторические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, представляют определенный интерес, так как по ним мы узнаем, что еще в древние времена царя Арме-

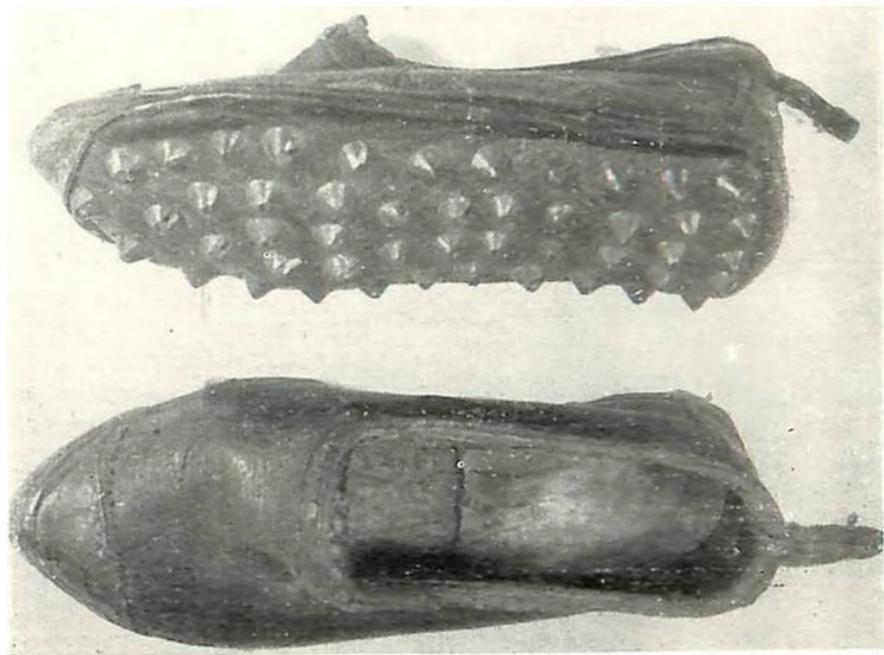

Рис. 37.

нии и нахарарская знать носили богато украшенную, дорогую и красивую обувь, причем различные прослойки высшего сословия, следуя этикету, носили различную по форме и окраске обувь. В этой связи заслуживает внимания свидетельство армянского историка Мовсеса Хоренаци (V в). «По смерти Еруанда Смбат идет в царское казнохранилище и, перебирая (все), находит корону Санатрука (отца Арташеса Первого 189—160 до н. э.), возлагает ее на голову Арташеса и воцаряет его над всею землею армянскою на двадцать девятом году правления персидского царя Дареха. Арташес же, получив царскую власть, раздает дары войскам — марским и персидским и отпускает их в их земли. Жалует также Аргаму, мужу храброму и знаменитому, обещанное второе место, также венец, усыпанный яхонтами, пару серег для ушей, **красную обувь для одной ноги**, право есть золотой ложкой и вилкой и пить из золотых чаш. Такие же милости он оказывает и кормилицу своему Смбату, кроме пары серег и **красной обуви**» (58, стр. 96). Как видно из приведенного отрывка, царь Арташес Первый в знак особой милости разрешил нахарару—князю Аргаму носить на одной ноге красную обувь. Исторически установлено, что ношение обуви красного цвета как в Армении, так и в других странах древнего мира считалось символом высшей власти. В Армении с древнейших времен умели изготавливать высококачественные минеральные, растительные и животные краски и особенно выделялся среди них уникальный красный цвет (**вордан кармир**). Об этом свидетельствуют греческие, арабские и армянские историки. Красная краска «вордан кармир» издревле извлекалась из насекомых, которые некогда были распространены в Араратской долине. Употребление кошениля, пишет И. Шопен, известно здешнему народу (армянам) с самых отдален-

ных времен, они всегда умели извлекать из нее краску, которой окрашивали свои изделия (61, стр. 881).

Сна, по видимому, и применялась для окраски описанных нами образцов обуви. Заметим, что секрет изготовления красной краски из червей кошерили строго охраняли энциадзинские монахи, изготовлением которой они и занимались.

В период персидского и римско-византийского влияния (IV—XI в.в.) за армянскими царями сохранилось

Рис. 38.

право носить обувь красного цвета. В этот период у армянских царей и князей был распространен обычай носить очень дорогую обувь, украшенную бриллиантами и жемчугом (12, стр. 168, 197). Роскошная обувь являлась неотъемлемой частью царского одеяния.

На изображении роскошного двора Тиграна II (95—56 г.г. до н. э.) (рис. 38, 40, табл. 8) это передано с особой торжественностью. К сожалению, по снимкам невозможно дать описание обуви царя и его жены, так как она скрыта под их одеянием. Но на основании других исторических данных, частью приведенных выше, можно с уверенностью сказать, что на них была обувь, пошитая из красного сафьяна⁷ или меха, отделанных художественной вышивкой, золотом, драгоценными камнями и украшениями. На том же снимке очень точно передана обувь свиты царя, которая отражает специфику армянских сапог, туго охватывающих голень выше коленного сустава. Отметим также, что в древней Армении было распространено пошение женщинами, особенно из высшего сословия, богато отделанных сапог с туго прилегающими голенищами.

Говоря о богато оформленной обуви, мы не можем не вспомнить чрезвычайно торжественно и пышно обставленное девятимесячное путешествие в Рим в 65 году армянского царя Трдата I, которого сопровождали его семья и многотысячная свита (53, стр. 198). Надо полагать, что не только царь и его приближенные были обуты в богато оформленную и в соответствии с этикетом прочно сшитую и удобную для походов и путеше-

⁷ Сафьян представляет собой кожу, выработанную специальным способом из шкур коз и искусственно нанесенной мерсеей. Производство сафьяна ввели арабы, которые долгое время хранили в тайне способ его изготовления.

ствий обувь, но и вся его свита. Мы предполагаем, что в знак особого уважения римского императора Нерона к армянскому правителю Трдату I, в числе прочих богатых подарков, ему были преподнесены римские **сандалии** пурпурного цвета, богато украшенные чеканным золотом, которые носили императоры и сенаторы Рима. К такому выводу приводит нас изображение Трдата Первого, где он представлен в сандалиях (18, стр. 187). Возможно, что это и явилось началом распространения римских кожаных сандалий в Армении. Видимо, после этого сандалии стали носить при дворе вельможи, а затем, удешевляя и упрощая способы пошива, их носил и народ. Однако не исключено, что открытая обувь типа сандалий могла проникнуть в Армению намного раньше — во времена нашествия римских войск на территорию Армянского нагорья или в результате торговых сношений с Римом. На сохранившихся от того времени римских монетах вычеканены изображения в полный рост воина армянского конного отряда (рис. 39), армянского нехотинца и горожанина (рис. 40, 40, табл. 7) и все они обуты в полусапоги, характерные для армянской обуви. О ношении армянскими царями и членами их семьи красной и богато украшенной обуви мы узнаем и по миниатюрам. Так, например, как можно судить по миниатюрным изображениям в армянской рукописной библии 1272 г.г., которая хранится в Иерусалиме, царь Киликийской Армении Левон III (1271—1289) носил **красного цвета остроносою обувь**, а его жена Керана одевала обувь, украшенную жемчугом в два ряда. В другой армяно-килийской библии (1263) имеется миниатюра, где изображен архиепископ-царевич Ованес и обувь на его ногах также украшена драгоценными камнями и жемчугом. А на миниатюрах из библии того же архиепископа-царевича Ованеса представлены четверо юно-

шей, трое из которых имеют красную, а один зеленую обувь (12, стр. 257, 269, 294). Заметим, что католикос Захария (IX в.) отмечает, что те знаки, которые носит сам царь, если будет носить кто либо другой, то он будет предан смерти. Только царь имел право удостоить

Рис. 39.

то или иное лицо чести носить какию-либо часть его одеяния (12, стр. 111). Пышная, элегантная, нарядная одежда и обувь простонародная, пишет В. Ацуни, у древнеармянских историков называлась «совращением» (т. е. заблуждением, увлечением, доходящим до крайности);

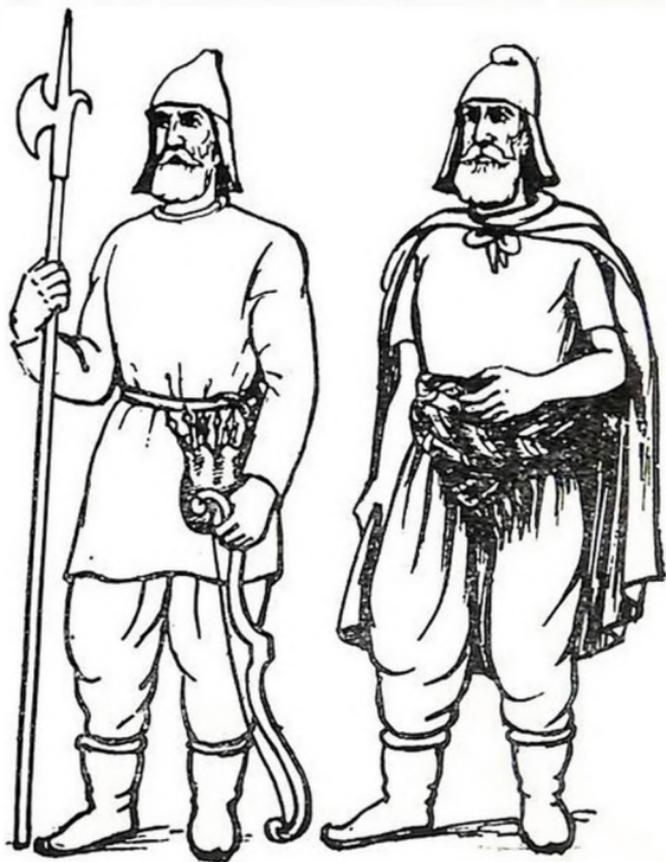

Рис. 40.

Рис. 41.

ласковых, пленительных (чарующих) женщины за их щегольские наряды называли совратительницами (12, стр. 196). На миниатюре из Евангелия конца XIV века изображены актрисы-**вардзаки** древнеармянского театра, которые танцевали и пели в общественных местах. На одной из актрис специальный сценический костюм, то скрывавший, то неожиданно обнажавший целиком все тело в зависимости от того, как танцовщица поворачивалась к зрителю. Сопровождающие актрису пантомимистки одеты в короткие платья и **обувь с удлиненными и заостренными носками** (18, стр. 122). На другой миниатюре XIV века также воспроизведены фигуры **катакагусанов** (буквально: шуточные незцы) (рис. 41): четыре фигуры выступают в роли римских воинов и обуты в саногн с туго прилегающими голенищами и на каблуках.

В библии XI в. писец Иоганн, армянин по национальности, описывает гамашн (гетры), как обувь желтого (золотого) цвета, которая «**достигала середины голени**». В киликийской Армении всадники надевали обувь со шпорами (**ковыкахтан**). Обувь со шпорами (или **магмазы**) надевали также в торжественные дни в пешем ходу для маршировки. Такую обувь носили всадники, рыцари.

В то время как умелые и проворные руки древнеармянских кошкараров (сапожников) изготавливали для царей и их семей, для лиц высшего сословия и духовенства обувь, которая по своей красоте, изяществу приравнивалась к произведению искусства, простонародье с глубины веков и до XX века носило простую, практичную и не отличающуюся роскошью и красотой обувь в виде **трех, сол, чмук, чуст, машик, лапшин** и др.

Простые люди праздничную обувь считали роскошью и бережно хранили в сундуках и в заветных

узелках. Ценные сведения об отношении народа к обуви рассказаны на страницах романа П. Прошяна «Сос и Вардистер». Приводим некоторые из них.

«...Вардистер именно этого и хотела, побежала и развязала свой заветный узелок, взяла багдадский платок лилового цвета, машинки и положила под свою подушку» (46, т. I, стр. 31).

О лиловых туфлях мечтали многие молодые женщины и девушки: «...что могут сказать, брат делал все, что мог, она требовала лиловые туфли (машинки), но откуда взять, ведь у меня нет миллионов». Вот еще одно выразительное подтверждение к сказанному. «Крестьянин был одет просто, но опрятно, в одежду без латок, ноги были обуты в лапины, что было редкостью для местного населения» (46, т. II, стр. 197, 438).

В народе по носимой обуви определялась и состоятельность человека.

«...Богатые люди носили обувь даже «на высоком каблуке» и их обувь была «выше косточек у пятки на один, а иногда у более богатых хозяев — на два пальца» (имеются в виду штиблеты (рис. 44)). Как правило, праздничную обувь после ношения тщательно очищали от грязи и смазывали.

«...В понедельник утром Сос смазал льняным маслом лапины (рис. 46), припрятал, одел трэхи и пошел на обработку» (46, т. II, стр. 197).

В фондах и залах Государственного исторического музея Армении имеется немало образцов армянской народной обуви, относящейся ко второй половине XIX и к началу XX века. Из числа экспонируемой обуви наше внимание привлекло несколько видов, в которых отчетливо были переданы элементы древней армянской обуви. Большой интерес представляют шлепанцы (цлапан) католикоса (рис. 42, инв. 2274), которые пошиты про-

шивным методом на среднем каблуке. Верх (союзка) выкроен из голубой парчи, расшитой драгоценными камнями и изумительным по своеобразию армянским лучезарным орнаментом. В центре орнамента, изображающего расходящиеся лучи солнца, вставлен зеленый изумруд. В качестве подкладки под союзку и вкладной стельки использован шелк бордового цвета. Как видно из прилагаемого рисунка, в пяточной части стельки вы-

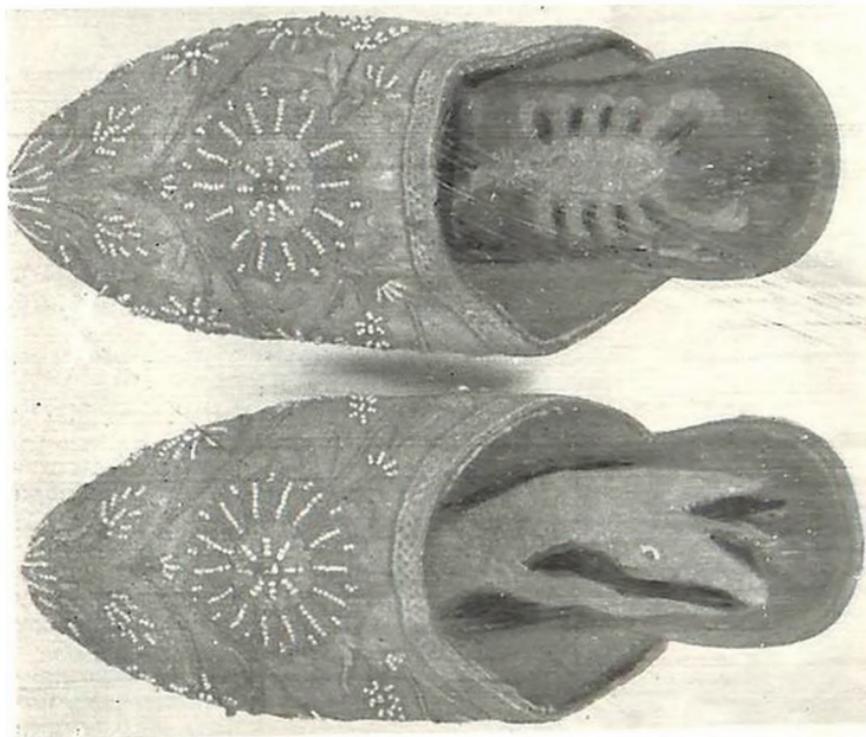

Рис. 42.

шнты на одной полупаре **вишап** (питон), а на другой — **карич** (скорпион). Изображение этих страшилищ в облике духовного отца-католикоса имеет глубокий символический смысл. Во многих легендах и сказках вишапы являются свирепыми «хранителями» источников воды. Древние представления, связанные с вишапами, отражены в армянском фольклоре⁸.

Каричи же — это маленькие ядовитые насекомые, являлись не меньшим злом, чем питоны: они кишели в скалистых горах Армении и на каждом шагу могли ужалить человека.

В древних армянских сказаниях злой и причиняющий народу вред человек назывался «вишапом», «каричем» и поэтом верховный патриарх (католикос), одевая во время богослужения (патарак) описанные **оха-тапи** (цлпанан), как бы силой и могуществом своей власти, данной ему богом, придавливал и уничтожал этих злых существ и раскрывал людям красивую и радостную жизнь, символом которой является изображение

⁸ Так, например, в эпосе «Давид Сасунский» рассказывается, как братья богатыри Санасар и Багдасар во время своих странствий попали в зеленый город, но к своему удивлению они вместо цветущего города нашли выжженный и безводный край.

...Когда они попросили воды у старухи, у которой они остановились, она им ответила: «В городе нашем нет воды, тут вода была и зелень, город был зеленым назван и теперь на горе находится ключ, да только к истоку его вишап подошел, ключ заирудил, не дает воде к городу течь. Мы боимся его, мы не смеем туда за водой ходить, в неделю раз мы на корм ему девушку отдаем, чтобы за это воды хоть немного давал, чтобы народ от жажды не пропал, чтобы город гибель не познал».

Решив спасти девушку, уведенную к роднику, оба героя отправились в горы, где и убили вишапа. «А вишап, окровавленный, повернулся и сдох, и открылся потока исток, и родник потек — все люди шли за водой, вдоволь каждый брат ее мог» (20, стр. 195, 198).

на союзке, которое можно истолковать как сияние солнечных лучей на голубом небе.

Издревле в Армении развивалось и процветало прикладное искусство, и оно все больше и больше использовалось в создании предметов быта и украшений, и теперь эта древняя традиция широко поддерживается не только в художественной вышивке, в изготовлении ковров, кружев, но и в производстве обуви. Примером такого применения декоративного искусства в обуви мо-

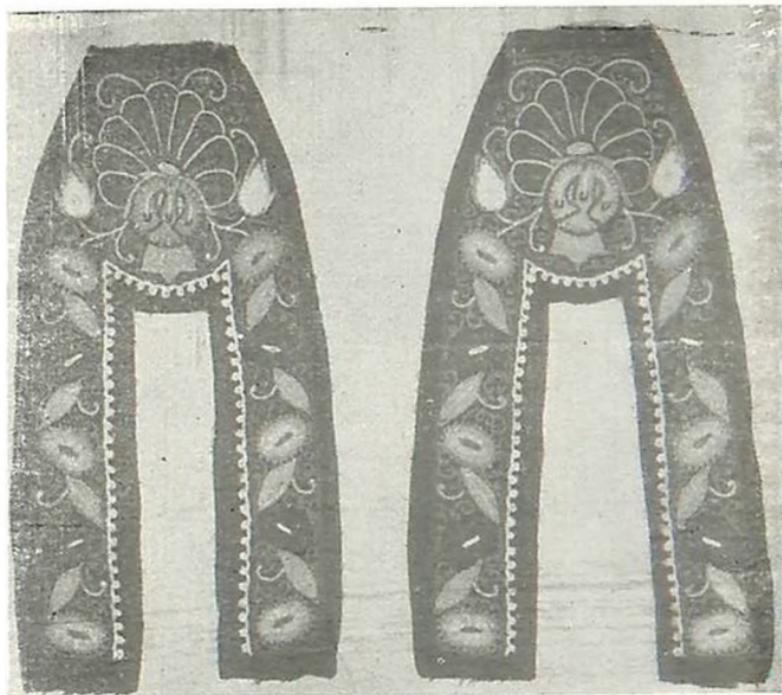

Рис. 43.

жет быть пара заготовок для женской домашней обуви (рис. 43, инв. 2283), с высоким художественным вкусом вышитая гр. Г. Сахательян в 1863 г. по черному бархату и содержащая мотивы армянского орнамента. Отметим, что изделия с армянским народным декора-

Рис. 44.

тивным орнаментом имели широкий спрос как внутри страны, так и за ее пределами. Показательна и группа армянской национальной городской обуви, предназначенной для повседневных, праздничных и домашних условий носки. Особенностью этой обуви является не только покрой и конструкция, но и то, что для более состоятельной части городского населения к обуви одновременно шилась и ее защитная часть, так называемые «кожаные калоши» (кркнакошик, буквально: двойная обувь). Такая обувь середины XIX века представлена ботинками с резинками типа штиблет (рис.

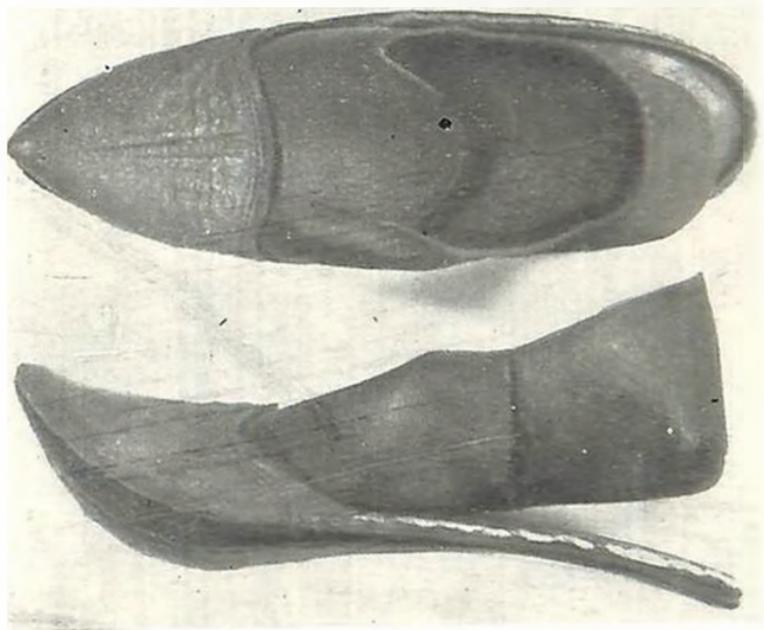

Рис. 45.

44), пошитых для знатной и богатой дамы из Ванской области. Штиблеты изготовлены из тонкой и эластичной козлины (шевро) на среднем наборном кожаном каблучке, деревянно-шпильчым методом крепления. Поверх этой обуви, но из более плотной и хорошо выработанной кожи пошиты «калоши», верх у которых также скреплен с подошвой деревянными шпильками.

Двойную обувь послали не только на выходе, но и дома (рис. 45). Распространенным видом обуви для среднего и особенно для бедного городского населения,

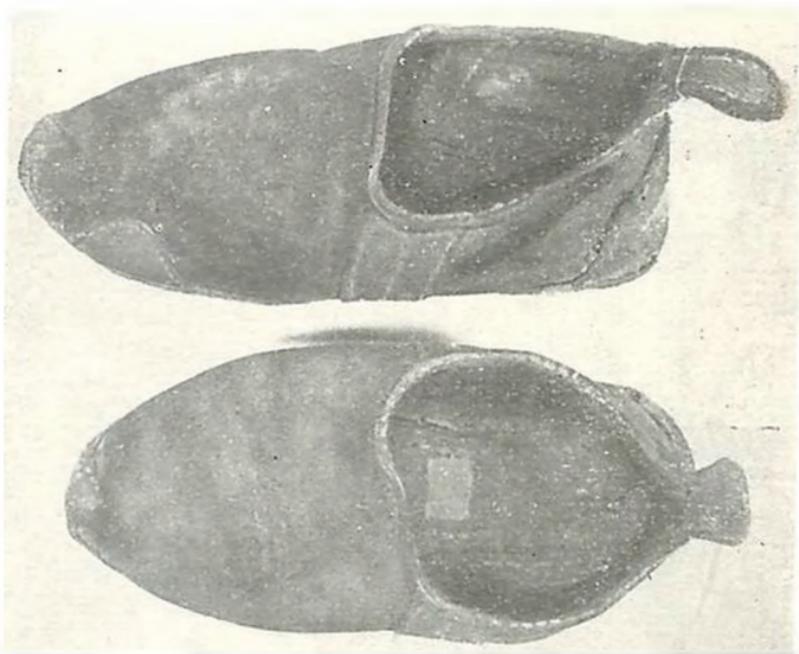

Рис. 46.

а также для зажиточных крестьян были лаптины, пошитые выворотным методом (рис. 46), которые надевали поверх шерстяных чулок. В Государственном историческом музее Армении привлекает внимание одна полупара штампованной металлической обуви, напоминающая чук, но открытого типа. В ее внутренней части сохранились куски кожи и текстиля (рис. 47, инв. 4449). Она была обнаружена вблизи г. Лениканана в 1935 году, но, к сожалению, эта уникальная полупара не изучена и дать описание ее конструкции и способа изготовления в настоящее время не представляется возможным.

Обувь еще с древнейших времен в жизни самых разнообразных народов всех частей света играла и продолжает играть существенную роль. Как уже отмечалось, человек еще на заре своего развития придавал ис-

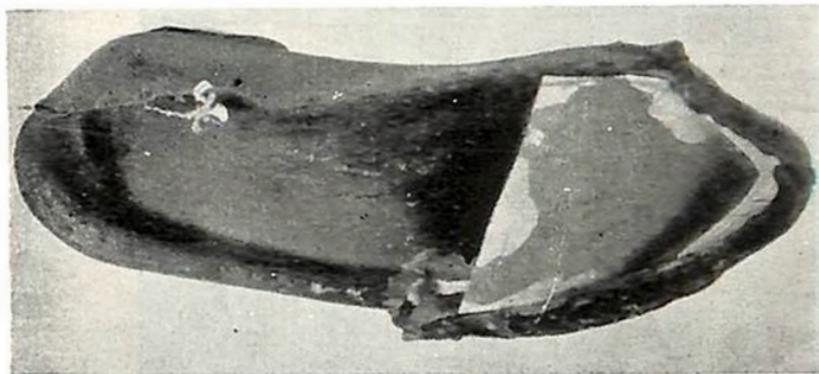

Рис. 47.

ключительное значение защите ног. И не случайно, что по древним народным воззрениям нога и обувь придавала большую силу, быстроту и ловкость человеку. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные ле-

Рис. 48.

генды, сказки, фольклорные, историко-этнографические материалы и памятники. При раскопках многочисленных погребений среди прочих предметов нередко находили скульптурные изображения человеческой ноги как в обуви, так и без нее, сосуды, украшения в виде обуви, сделанные из глины и различных других материалов. Установлено, что обычай класть вместе с покойником предметы, изображающие человеческую ногу, очень древнего происхождения и относится к самым распространенным религиозным обычаям на земном шаре (14, стр. 49). Это подтверждается археологическими материалами, обнаруженными как на территории Армянского нагорья и Закавказья, так и в других странах. Так, в музее Анкары хранится статуэтка оленя — предмет религиозного поклонения древних хеттов (рис. 48), найденная в селе Погос Западной Армении (в районе города Аладжа-Гююк, Турция) и датируемая II тысячелетием до н. э. Олень прочно и изящно укреплен на по-

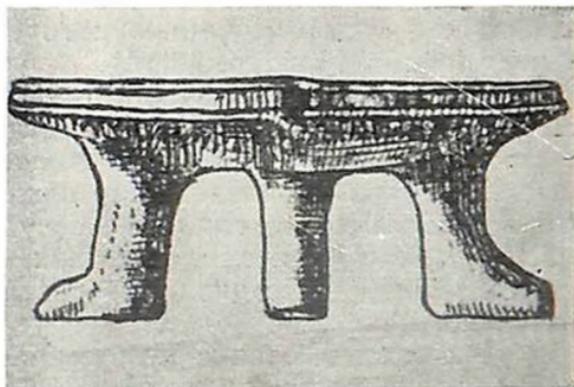

Рис. 49.

стаменте, изображающем обутую человеческую ногу — символ силы и могущества.

В могиле № 131 Арктического могильного поля был найден интересный экземпляр чернолощеной миски со срезанным венчиком (рис. 49). Она снабжена тремя ножками в виде человеческих ног. Отверстие, находящееся в верхней части венчика, свидетельствует, что миска служила светильником или лампадой и должна была освещать путь покойного. Миска датируется XIII—XII в.в. до н. э. (56, стр. 130).

При раскопках средневековой столицы Армении — Ани был найден массивный бронзовый подсвечник, относящийся к X—XII в. н. э., который укреплен на опорах, изображающих кавказские сапожки.

Значение обуви было настолько велико, что народы древней Армении и Закавказья стали делать украшения и амулеты разнообразной формы, изображающие обувь или оголенную ногу.

В погребении № 17 эпохи поздней бронзы в с. Тли (Осетия) была найдена урартская бронзовая подвеска в форме сапога, под пяточной частью которой имеется отверстие с петлей (рис. 50, 52, стр. 173).

В деревне Чахачи Глух Сисианского района Армянской ССР в 1952 г. археологом М. С. Асратяном был найден амулет в виде оголенной ноги, относящейся ко второй половине второго тысячелетия до нашей эры.

Как уже было отмечено, глиняные сосуды в виде обуви, обнаруженные при археологических раскопках на территории Армении и входившие в состав могильного инвентаря погребений, относятся к группе человеконогих сосудов и связываются с культом «божественной ноги» (исключением являются кубки-сапоги из Кармир-блур, которые обнаружены в крепости Тейшбани, в помещении близ винных кладовых).

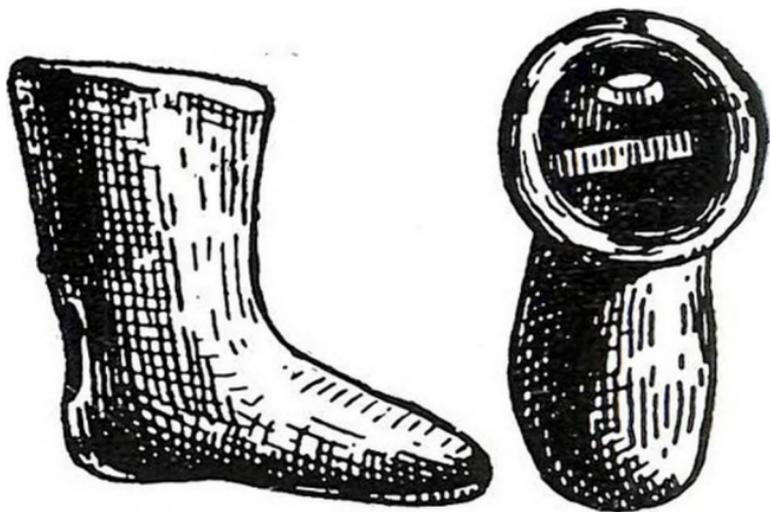

Рис. 50.

По определению А. А. Иессена, глиняные сосуды в виде обуви или человеческих ног, обнаруженные в составе инвентаря погребений, датируются концом третьего или началом второго тысячелетия. В последующие периоды, т. е. в эпоху меди и бронзы эти сосуды почти исчезают, но в конце бронзового века и на первых стадиях эпохи железа они появляются вновь и получают более широкое территориальное распространение (28, стр. 56). В большинстве случаев они изображают обувь и значительно реже оголенную ногу. При этом интересно то обстоятельство, что она имеет характерные черты обуви местного (кавказского) типа.

Каково же было их назначение в древние времена? По этому вопросу существуют ряд предположений, которые сводятся в основном к следующим гипотезам.

Рассматриваемые типы сосудов следует отнести к предметам религиозно-культового значения. По одному варианту этой гипотезы сосуды, имеющие форму ноги или обуви, использовались при различных действиях симпатической магии. Сосуды ставятся в тесную связь с обрядами захоронения. В данном случае изображения обуви или ноги имели целью наподобие талисмана или оберегов облегчить погребенному «путь в загробный мир». По другому варианту гипотезы, упомянутые предметы увязываются с культом «божественной ноги» и также наделяются сверхъестественной силой, призванной оберегать путь мертвого.

Обобщенным выражением различных вариантов этих гипотез является трактовка фигурных ваз, данная в труде М. И. Максимовой (Максимова М. И. Античные фигурные вазы, Москва, 1916 г.). Исследуя различные типы фигурных сосудов, она приходит к выводу, что сосуды в виде ноги или обуви являлись атрибутом магических действий. Она ставит их в тесную связь с изображениями дельфинов и рыб и делает следующее пояснение: эти предметы должны были изображать легкий путь, в могилу их ставили, чтобы облегчить покойнику переход в страну блаженных. Примерно так же решается вопрос о назначении сосудов-сапожков в работе А. А. Нессена. Нет необходимости, пишет Г. И. Ноне, перечислять все этнографические факты, свидетельствующие о многообразии форм обрядов и обычаев, связанных с обувью вообще и в частности с обязательным использованием ее при совершении погребения. Из этих исследований следует вывод о том, что общим для большинства народов, снабжающих своих покойников инвентарем, в том числе и обувью, ее моделями с ее или специальной обувью, является вера в загробную жизнь и уверенность в том, что умерший для достиже-

ния «вечной жизни и блаженства» должен пройти большой и тяжелый путь, преодолевая ряд труднейших препятствий (28, стр. 57, 58).

У народов с более развитой культурой страх перед душами мертвых, пишет Юлиус Липс, привел к тому, что вместе с умершими хоронят не только одежду, оружие и украшения, но и дают ему спутников в загробный мир, убиваемых в его честь домашних и выючных животных и даже рабов и жен. При этом убивают как можно больше людей и животных, чтобы умерший утешился и не почувствовал себя одиноким. Ведь в противном случае он мог бы, к ужасу живых, вернуться на землю (33, стр. 357).

Подобные погребения были раскопаны и на территории Армении. Так, например, в погребении в Лчашене у Севанского озера, относящееся ко второй половине второго тысячелетия до н. э., вместе с вождем похоронены и рабы для сопровождения его в «потусторонний мир» (21, стр. 76).

В данном случае уместно привести слова знаменитого исследователя первобытной культуры Э. Б. Тейлора: «Изначне было бы приводить здесь все бесчисленное разнообразие мистических подробностей о страшном путешествии души через пещеры, каменные тропинки, бесплодные равнины, по крутым и скользким горам, в утлых челноках или по шатким мостам через пропасти и быстрые потоки в постоянном ожидании яростного нападения губителя души или под страхом рокового приговора стражей другого мира» (55 стр. 114). Он же приводит в своей книге следующее поверье: «Тот, кто даст воды или обувь браману — найдет воду для своего освежения и необходимую обувь на пути в будущий мир; если он даст дом, то на том свете получит дворец» (55, стр. 67, 114). Разве обряд захоронения в

наши дни, когда покойника в обязательном порядке обувают в обычную или специальную, но непременно новую обувь, не является традицией, дошедшей до нас из глубины веков?! «Путь умершего в загробный мир» далек и тяжел — вот основная мысль, которая господствовала в представлениях многих древних народов, поэтому живые люди обязаны облегчить этот путь своим умершим родичам.

Культ ноги, обуви передается из поколения в поколение, из века в век и распространяется на сапожное ремесло. Отголоски этих древнейших поверий о мистической роли ноги и обуви, возможно, и явились причиной избрания ремесленниками своими покровителями (патронами) пророков и святых, признанных христианской церковью. У карских и эрзрумских сапожников и кожевенников таким патроном (покровителем) был Илья пророк, который, по преданию, будто бы сам занимался производством кожевенных изделий.

Надо отметить, что эта «божественная» любовь к сапожному ремеслу, дошедшая до нас из глубины веков, сохранилась у здравствующих ныне стариков-сапожников. Они с гордостью и большим уважением вспоминают своих учителей, от которых восприняли эту любовь. Из их рассказов мы узнаем, что в старые времена священников избирали из числа лучших и авторитетных сапожников (**кошкакар**) и что во время богослужения в церкви они всей артелью (амкарством) первыми стояли у алтаря. Из их рассказов мы также узнаем, что профессия сапожника передавалась по династическому принципу из поколения в поколение.

III. АМКАРСТВО

В Армении, начиная еще с раннего средневековья (X—XI вв.) и вплоть до начала XX века, а во многих городах Закавказья до первой половины XIX века, существовали специальные армянские цеховые организации ремесленников и торговцев, которые назывались **амкарствами**, или иначе **ехпайрутюн** (братство). Однако надо полагать, что союзы (общества) армян-ремесленников были так же древни, как и их ремесла, ибо как человек не мог существовать вне коллектива, так и ремесленники не могли развивать свое ремесло и расширяться без сплоченности по принципу однородности профессии.

«Развитие труда, — писал Ф. Энгельс, — способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки совместной деятельности, стало ясно сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного человека» (2, стр. 6). В связи с этим отметим, что рост производительных сил в Армении был обусловлен развитием ремесел, что в свою очередь было одной из важнейших предпосылок образования древних и средневековых городов. Письменные и археологические источники дают возможность установить, что в Армении с древнейших времен существовали ремесла ко-

жевенников, сапожников, портных, каменщиков, кузнецов, ткачей, оружейников, медников, серебряников и др., всего около 50 профессий. С развитием ремесла, а следовательно, и товарного производства, развивалось и товарное обращение. Всему этому способствовали сообщества, братства, **амкарства**. Амкарства объединяли почти всех ремесленников и торговцев, а также отдельных членов их семейств. Они создавались строго по профессиям, туда входили мастера (**варпет**), подмастерья (**ентаварпет**), ученики (**ашкерт**, **ашакерт**). Как организационная единица амкарство в своей деятельности пользовалось полной независимостью. Амкарства имели своих должностных лиц и свое общее собрание, представляющее их высший орган (54, стр. 55). На этих собраниях из числа наиболее авторитетных, искусных и старейших мастеров ежегодно избирались должностные лица: руководитель — **устабаши**, главный мастер — **варпетац-варпет** (буквально: мастер мастеров), его заместитель (**огнакан**) и казначей (**гандзапан**). Устабаши после выборов и вступления в свою должность в торжественной обстановке давал присягу при участии священника, дьяконов, при развернутом корпорационном знамени амкарства, что он будет использовать должность устабаши по совести. На этих же собраниях, также в торжественной обстановке, принимали мастеров в амкарство, переводили учеников в мастера (см. ниже). Амкарства сами рассматривали возникающие внутри них споры, устанавливали взаимоотношения между мастерами, подмастерьями, учениками. Им решались также вопросы, связанные с приобретением сырья и материалов, с качеством, реализацией продукции, ценообразованием. В их компетенцию входил контроль за морально-бытовыми устоями членов амкарства и их семей и т. д. В своей деятельности чле-

ны амкарства были полностью подчинены амкарскому уставу. Надо отметить, что руководителям амкарства за исполнение своих обязанностей не платили, но в знак благодарности и уважения в праздничные дни, по традиции, собратья преподносили им разного рода подарки (см. лит. 4, 8, 19, 23, 54).

Ремесленники и торговцы-армяне широко использовали институт амкарства. У них представители каждого рода ремесла и торговли составляли особый цех. К сожалению, сведения о древних ремесленных объединениях, в том числе о сапожном, почти отсутствуют, но по дошедшим до нас немногочисленным памятникам армянской литературы V—XIII вв. можно сделать вывод, о существовании в древней и средневековой Армении высокого уровня развития ремесла. Это было ремесло, организованное в крупных масштабах. Так, например, в армянском литературном памятнике VI столетия засвидетельствовано существование ремесленной мастерской — **горцоц-тун** (буквально: «работный дом», «дом работ»), где работали свободные ремесленники и рабы, владение которыми являлось монополией царей и крупной знати (24, стр. 26). Среди этих «домов» были и «дома сапожников». О существовании этих цеховых организаций (амкарств) свидетельствует и дошедшая до нас «устная» грамота, так называемая **Саһман канонац** (Грань законов), действовавшая в XIII в. в Ерзнки, и составленная для ремесленного братства работников (амкаров) мастерской при монастыре. Многочисленные доказательства существования армянских амкарств сохранились у армянских летописцев XVII—XVIII вв., причем в это время древнее армянское название ремесленного братства амкарства было в Западной Армении заменено принятым на Востоке термином **аснаф**. Так, в одной из рукописей Матенадарана (№ 5967), датирован-

мой 1541 годом, упоминается об одном аснафстве (чувячинок) (4, стр. 151). Об аснафстве также упоминается в тексте 1692 г., обнаруженном на камне под колокольней Эчмиадзинского храма, где сказано: «По воле господней мы, все аснафы (цеха) Тифлиса и дукандары (лавочники) обещаем дань святому Эчмиадзину — ежегодно с каждой лавки по одному чароху (трэху)» (11, стр. 37). Армянские амкарства существовали как в городах самой Армении, так и в городах Грузии и Азербайджана, и надо отметить, что принципиального различия между этими амкарствами ни в традициях, ни в принципах производственной структуры не было. Выработанные амкарствами законы, обычаи, традиции не всегда оформлялись письменно, но, несмотря на это, они без изменений традиционно действовали на протяжении многих веков по принципу — «не нарушать обычаи и не отклоняться от дороги». Продолжительность рабочего дня в амкарстве в основном определялась по долготе дня. В его деятельности и вообще в ремесленной промышленности принимали участие и женщины — жены помогали мужьям, дочери — отцам, о чем свидетельствует нынче здравствующее старшее поколение сапожников. Из рассказа 82-летней олытщицы Марии Гегамовны Бостанджян мы узнали, что ремеслу шитья обуви она научилась у своего деда; что вначале она помогала деду, а затем отцу, а когда вышла замуж за сапожника Мушега Бостанджяна — стала помогать мужу.

Издревле было установлено, что деятельность амкарства должна определяться двумя требованиями — это, во-первых, сохранение единства ремесла и амкарства, во-вторых, обеспечение сохранности чистоты воздуха города (окружающей среды). С этой целью, в зависимости от характера ремесла, им предоставлялось право занимать то или иное место (в черте или за чертой)

108

города). Установлено, что кожевенники (**кашегорц, дабахчи, хахахорд**) обязаны были занимать место за городом, у рек. Так, ереванские кожевенники свои чаны («ахахкур», «тикар») размещали в Даракендской части города, около реки Зангу (в этом районе за годы советской власти построен один из крупнейших в Советском Союзе Ереванский кожевенный завод имени Степана Шаумяна) (30). Сапожники же были сосредоточены в черте города, о чем свидетельствуют письменные источники раннего средневековья. Так, в средневековой столице Армении Ани сапожные амкарства занимали отдельные улицы и кварталы, куда не допускались ремесленники других специальностей и даже той же специальности, если они не состояли в данном амкарстве (8, стр. 146). Организованные ремесленные объединения — амкарства имели свой суд, флаг, свою администрацию и своего патрона — бога и вообще пророков и святых, признанных христианской церковью. Поэтому амкарства представляли собой своеобразные религиозные братства, и труд в глазах ремесленника являлся не только источником добывания средств к жизни, но и своего рода наследием, завещанием патрона, возлагающего на ремесленника обязанность распространять среди народа знание ремесла (23, стр. 11). Амкарства сапожников ежегодно устраивали торжества в честь своего патрона — пророка Ильи. Каждое воскресенье они в обязательном порядке всем амкарством со своими знаменами принимали участие в богослужении и других церковных торжествах, причем, как уже отмечалось, сапожникам-мастерам всегда предоставлялись почетные места на этих торжествах. Устав амкарства требовал оказания помощи больным, инвалидам, нуждающимся семьям — членам того же братства. Работающим женщинам и ученикам (**ашкерт**) запрещено было

участвовать в общественно-организационной деятельности амкарства. Общие собрания, как правило, назначались в летние месяцы и в определенных местах. Так, например, среванские кожевенники собирались у реки Зангу, сапожники—на кладбище или в церковных дворах. Право назначения дня собрания и полное руководство им оставалось за устабаши. Из армянских письменных источников XII—XIX в.в. дошли письменные и «устные» уставы и грамоты амкарств армянских сапожников, расположенных как в городах Армении, так и в Тбилиси, Баку, Ахалцихе и других городах Закавказья. Из этих грамот мы узнаем об очень интересных обычаях и законах. Вот некоторые из них. Согласно статье 112 «Судебника» Мхитара Гоша (XII в.) было запрещено мастеру (варпету) и учителю брать деньги за обучение. «Учителям, гласит статья, приличествует брать на себя полное содержание детей сирот, если же у детей имеются родители, то они обязаны доставлять своим детям лишь пищу и одежду. Если родители в состоянии, то по доброй воле могут сделать подношение учителям» (19, стр. 117). Этот закон сохранял свою силу на протяжении многих веков—до конца XIX века. Неменьший интерес представляет статья 83 по защите законного права членов амкарства, которая гласит: «Не обижай бедного и нищего из братьев твоих. В тот же день прежде чем зайдет солнце, отдай плату его, ибо он беден и ждет ее, ...и поэтому, если плата не будет выдана ему в день же работы, то суд должен взыскать с нанIMATEЛЯ сверх наемной платы» (19, стр. 94, 95). Поучительна статья 94 «Судебника», предусматривающая за расхищение (кражу) мастерами чужого материала взымать с них штраф «четыре против одного» (19, стр. 199). Из армянской рукописи Матенадарана (№ 1314, стр. 121) известно, что мастер (варпет), не умевший применять свое ремес-

ло, должен был быть лишен своего звания. Мастерам запрещено было открывать тайны своего ремесла или же тайны амкарства посторонним. Любопытно, что в быту закавказских амкарств имел широкое распространение обычай, обязывавший мастеров давать в присутствии цехового головы «клятвенное обещание» передать ученику свое мастерство. До нас дошла эта формула, состоящая из следующего. Отец или опекун вкладывал руку ученика в руку мастера со словами: «Кости его — мне, мясо его — на волю твою, лишь бы ты обучал его мастерству своему...» Мастер отвечал на это: «Да падут на меня все грехи его в день страшного суда, если я в чем-либо буду отличать его от родного сына своего и не обучу его всем тонкостям моего ремесла» (4, стр. 164)¹. Клятва мастера связана с правилами амкарства, возбраняющими мастеру скрывать свои познания от учеников.

Заслуживает внимания и то, что амкарство заботилось об интересах потребителей, строго запрещало сбыт недоброкачественных изделий, подделку или фальсификацию продукции (23, стр. 247). Для обеспечения высокого качества продукции в амкарство, естественно, принимали только высококвалифицированных, хорошо овладевших своим делом мастеров. Кроме того, от них требовались и высокие моральные качества — соблюдение строгих требований традиции и общественного порядка не только в пределах амкарства, но и в семье и обществе. Прием в амкарство производился по реко-

¹ Мальчик, который с ранних лет вступал в ремесленное учение, начинал понимать, что кроме семейных отношений есть и другие — трудовые и что управляет этими новыми отношениями его уста (мастер). Уста поддерживал его слабые силы, утверждал в нем и нравственность и любовь к труду, которая служит основой всякого общества (60, стр. 29).

мендации почетных мастеров и мастеров-учителей. Надо отметить, что в старину не так-то легко было обучаться ремеслу, учение проходило в исключительно тяжелых условиях в течение нескольких лет и нередко были случаи применения «шпандыря»² для наказания нерадивого ученика. Так, в Ереване и Тбилиси срок обучения сапожному ремеслу определялся от трех до пяти лет, в Ахалцихе — от трех до восьми лет. Такой продолжительный срок обучения был связан не только со сложностью ремесла, но и, конечно, с использованием физических и духовных способностей ученика в личных интересах мастера. Однако надо отдать должное мастерам-учителям в том, что они наряду с проявлениями жестокости и строгой требовательности терпеливо и скрупулезно передавали тонкости сложного сапожного ремесла. В амкарствах сапожников было сильно развито взаимопонимание, индивидуальная и коллективная защита членов амкарства в целом. И не случайно, что уставами амкарства предусматривалось посвящение учеников в мастера или прием новых членов амкарства производить в особенно торжественной обстановке. На общем собрании мастеров мастер-учитель представлял своего ученика-подмастерья (**ентаварпет**) общему собранию. Он подробно характеризовал поведение и способности подмастерья-ученика, давал поручительство за его квалификацию, представлял его работу на «благосмотрение братства» и просил квалифицировать ученика и присвоить ему звание мастера, чтобы он честным трудом и добросовестно зарабатывал себе хлеб насущ-

² Шпандырь — тонкий кожаный ремень, сшитый по концам, при помощи которого сапожник притягивает (придерживает) на коленях обрабатываемую обувь. Наименование этого ремня произошло от немецкого spannen (натяжной ремень).

ный. В завершение церемонии главный мастер—варпет-варпет давал вновь посвященному мастеру последние наставления: «Жить честно, применять свое ремесло без обмана, снисходить к младшему, повиноваться старшему» и как бы для испытания он наносил новопосвященному мастеру три пощечины во имя Отца, Сына и Святого духа (23, стр. 247). Это было своеобразным экзаменом, аттестатом, самым торжественным актом в жизни мастера. Затем вновь посвященный мастер делал **ынца, нвэр** (подарок) своему варпету-уста (мастеру), вносил в амкарскую кассу деньги за свое звание и приглашал всех присутствующих на обед, на котором особо почетное место принадлежало усташани (главному мастеру).

С целью подтверждения сказанного приводим выписку из армянской цеховой грамоты амкарства, составленной в 1875 году ахалцихскими кафарами (башмачниками), «хасчарухчи», «эскачи» (производитель обуви, починщик обуви) и читавшейся при посвящении учеников (ашкерт) в мастера: «Благодатью Пресвятой Троицы Отца и Сына, и Святого духа... да снизойдет мир, и милость на всех верующих во Христа собратьев наших... Затем да снизойдет мир и милость на наш аснаф-башмачников, чарохчей и эскачей, на «голову мастеров», почтенных лиц, усташани. Наконец, знаете ли любезные отцы, братья (мастера) и даровитые подмастерья, затем мы пришли в сей дом и всем собранием сидим в этой гостиной? Мы ели, пили и наслаждаемся «телесной радостью», мы должны доложить друг другу следующее: этот человек (именуется новопосвященный мастер) вступил в наш аснаф кафафов, хасчарохи и эскачи, сделался нашим братом, поэтому пригласил нас на это радостное торжество... По справедливости мы обязаны всячески и как приличествует защи-

шать этого человека как в его торговле, так и расходах (нуждах) и, когда нужно, наставлять его. Будем же единодушно просить Бога даровать ему доброе благополучие, твердость в действиях, охранять его от всякой видимой и невидимой опасности... И ты доказал в присутствии всех собравшихся здесь мастеров, что ты по своим познаниям достоин звания мастера, будешь носить это звание, и мы поздравляем тебя и просим всеобщего творца нашего даровать тебе долголетие, благополучие и добросовестное применение в деле нашего ремесла. Как в юности ты честной службой заслужил настоящее звание, так и отныне до смерти ты обязан честно применять ремесло в деле... Знайте, любезные братья, и ты, новозбранный мастер, что святой Илья пророк «был деятелем кожаных изделий», шил кожаную одежду, накидку, обувь и пр., и отсюда явствует, что он — наш духовный учитель и устабаши, и основатель нашего ремесла. По закону справедливости мы обязаны быть тверды (строги) в своих действиях и возлюбить истину, а то наш духовный учитель может нравственно осуждать нас и мстить нам (качать нас). По его милости мы сегодня существуем наряду с порядочными мастерами. Его молитвами живем, как подобает порядочным людям. Следовательно, как он честно передавал нам ремесло (обучал нас ремесленному делу), так точно и мы обязаны честно применять его (ремесло) к делу и обучать наших учеников, если мы желаем (в будущем) удостоиться благословения святого пророка. Оставаясь правдивыми, тем самым обяжем пророка, как бы должника нашего. Тогда о чем бы ни просили бога, по ходатайству пророка, даст нам. Илья пророк при своем пришествии спросил своего ученика, пророка Елисея: «Чего хочешь, сын мой?» — «Твоего пророческого дара» — ответил тот. Вознесясь на небо, пророк сбросил

свою **кожаную** рясу на него и тот получил пророческий дар» (23, стр. 381, 382).

Сапожное ремесло получило наиболее широкое распространение в Ване, Баязете, Нахичеване, Карине-Эрзруме, Шуше, Ереване, Гюмри-Александрополе (ныне Ленинакан) и в других закавказских городах: Тифлисе, Ахалкалаке, Ахалцихе, Баку. Отметим, что в старину кожевенное ремесло совмещалось с сапожным. В указанных районах развитие ремесленного производства все больше и больше принимало промышленный характер, так как в силу капиталистического развития экономики появляются тенденции к ускорению и развитию производства и к увеличению масштабов выпускаемой продукции³. Известно, что в 10—11 в.в. ремесла и торговля достигли в Армении высокого расцвета. Однако разрушительные нашествия турок-сельджуков (1048—

³ Как уже было сказано, мы не располагаем сведениями о масштабах пошива обуви в Древней Армении, но, основываясь на некоторых косвенных данных, можно предположить, что выпуск обуви в год составлял до миллиона пар.

Наш вывод обосновывается историческим развитием, политическими, экономическими, культурными и торговыми связями и, конечно, численностью населения Древней Армении. Если согласиться с И. Шопеном о преувеличенных данных армянской географии о народонаселении всей Древней Армении в количестве 27.874 тыс. чел. и считаться с его мнением, что «нельзя полагать, что число армян в самое цветущее время Армянского царства превышало когда-либо 6 миллионов (61, стр. 20), то, исходя из этого, надо полагать, что обувь (не считая трэхов) из 6 миллионов населения носили не более 15%, в том числе и армя, и с учетом вывоза — «по торговым связям и требованию иноземных войск» станет реальным пошив в Древней Армении минимум миллиона пар обуви. Если принять во внимание, что при ручном пошиве и при использовании примитивной по тем временам техники максимальная возможность одного сапожника не превышала 200 пар в год, то количество людей, занимавшихся сапожным ремеслом, составит примерно 50 000 человек.

1071 г.г.), завоевание монголами Армении (1235—1243 г.г.) и последующие трагические исторические события привели к упадку многие города Армении с их развитой оживленной торговлей и ремеслами, а те, которые продолжали существовать, потеряли свое былое значение (5, стр. 53). И, как отмечает проф. О. Е. Туманян, ремесленное производство накануне присоединения Восточной Армении к России (1828) находилось в крайнем упадке. «Тем не менее,— продолжает он,— ремесленное мастерство не было утеряно армянским народом, и среди городского населения, как самой Армении, так и вне ее, были первоклассные мастера своего дела (54, стр. 20). К сожалению, для полной характеристики деятельности этих «первоклассных мастеров своего дела» мы не располагаем достаточными материалами и воспользуемся весьма скудными сведениями. Эти данные содержатся, например, в работах И. Шопена, С. Егназарова, О. Туманяна и других авторов и в основном охватывают период после первой четверти XIX века. Прежде всего отметим, что в первой четверти XIX века, т. е. до присоединения к России, Армения находилась в состоянии экономического упадка. Достаточно указать, что плотность населения Армении в 1831 г. составляла 5,2 человека на 1 кв. км (без городов) (54, стр. 49). Городское население в 1831 году составляло всего 18,9 тыс. чел., в том числе в Ереване — 11920 человек, из коих башмачники и сапожники составляли 179 человек, кожевники—65, в Нахичеване—3470, сапожников—69, а кожевников—22 человека, в Ордубале—3444, в том числе сапожники—50 и 25 человек кожевников (61, стр. 843, 846). Головой выпуск обуви в указанных городах доходил до 8000 пар. В Армении повсеместно после присоединения к России стала оживать городская жизнь. Если,— пишет О. Туманян,— до присоединения

к России в Армении единственным городом был Эривань, то уже в 1850 годах селение Гюмри постепенно превращалось в город Александрополь, а на развалинах Гаварр (Кявар) образовался город Нор-Баязет. Александрополь имел большое значение в деле организации торговли с Турцией (54, стр. 50). В связи с этим в начале второй половины XIX века несколько оживляется и развитие ремесла, в том числе и сапожного. Так, в Александрополе (ныне Ленинакан) в 1851 г. численность сапожников-башмачников с подмастерьями и учениками составляла 45 человек, в 1864 году — 321 человек (54, стр. 52). Изделия различных фасонов и цветов, изготавливаемые ежегодно александропольскими башмачниками, продавались на сумму до 10000 рублей и не ограничивались одним только местным сбытом, но и отправлялись в Тифлис и Турцию (23, стр. 90, 188, 204). В 1886 году в Ереване число сапожников с подмастерьями и учениками составляло 300 человек, кожевников — 38, в Александрополе 93 сапожника и 46 кожевников, Нахичеване — 30 сапожников и 6 кожевников, Нор-Баязете — 54 сапожника и 40 кожевников, в Ордубаде — 67 сапожников и 30 кожевников (23, стр. 377).

К несчастью, исторически сложилось так, что армянский народ вынужден был большими или меньшими партиями уходить с насиженных земель за пределы Армении — в Грузию, Азербайджан, Северный Кавказ, Крым и др. районы России, а также за пределы России. Славные традиции и высокое мастерство армянских ремесленников, в том числе сапожников, развиваются и получают широкое распространение за пределами Армении. Можно сказать, что в городах Закавказья сапожным ремеслом в основном занимались армяне. В их руках была сосредоточена также большая часть торговли: в 1831 году в г. Ахалцихе было 142 сапожника-ар-

мянина, в 1886 г. в Тифлисе — 104 сапожника и 66 кожевников, в том же году в г. Карсе сапожным делом занимались 154 армянина (23, стр. 377). Любопытно, что сапожное ремесло тифлисских и ахалцхских армян не только не уступало ремеслу ереванских и александропольских сапожников, но и превосходило ее как по количеству, так и по исполнению. Поэтому не случайно, что обувь, вышедшая из рук тифлисских и ахалцхских армян-мастеров, имела большой спрос не только в Закавказье, но и далеко за ее пределами. Вообще отметим, что обувь производства армянских сапожников, где бы она не шилась, с древних времен до наших дней имела и имеет большой спрос и пользуется хорошей славой, благодаря своей добротности, легкости, красоте и изяществу.

«Секрет» высокого мастерства армянских сапожников-обувщиков заключается в том, что они еще на заре развития и совершенствования обуви принудили себя изучать и находить тонкости в моделировании обуви и совместно с кожевниками создавали легкие высокоэластичные и прочные кожевенные материалы. При сборке заготовки (верха) они использовали народное прикладное искусство, при пошиве создавали незримые, изящные линии, производили высокохудожественную отделку. И как мы уже отмечали, сапожники Древней Армении пошив обуви специализировали по родам, видам и способам крепления. Именно этими качествами и ценится армянская обувь и особенно ручного производства.

В заключение отметим, что после установления советской власти в Армении на основе амкарств сапожников были организованы артели, а затем и крупные обувные фабрики. Обувщики Армении, овладевая передовой техникой, технологией, новой культурой, изучая «секреты» и огромный опыт как древней — традиционной, так

и современной советской и зарубежной обувной техники, развивают и совершенствуют производство обуви путем механизации и автоматизации процессов пошива обуви. Однако обувщики Армении бережно хранят дошедшие до нас из глубины веков славное мастерство и традиции сапожников. В целях сохранения этих традиций и передачи приемов, выработанных веками, последующим поколениям у нас наравне с крупными механизированными обувными фабриками созданы цеха и участки для пошива ручным способом особо изящной обуви, где с любовью передают свой богатый опыт и знания высококвалифицированные и со старыми традициями мастера сапожного дела. О развитии обувной промышленности Советской Армении и о возрожденном сапожном ремесле мы вернемся в другом месте.

ПЕРЕЧЕНЬ РЕПРОДУКЦИЙ

1. — Трехи, изготовленные из обработанной шкуры и отделанные цветными шерстяными нитками. Ереван, ГИМА.
2. — Хеттский воин, обутий в башмаки с приподнятыми носками.
3. — Воспроизведенная хеттская обувь
4. — Снаряжение и обмундирование воинов древних государств Армянского нагорья.
Хеттская обувь на изображениях
5. — Бог бури, каменная стела из Малатии, 856 г. до н. э., Стамбульский музей.
6. — Торжественное жертвоприношение двум божествам.
7. — Бог погоды, рельефы из Малатии, 1060—800 г.г. до н. э. Музей Анкары.
- Образцы видоизмененной хеттской обуви**
- 8—10. — Обувь с причудливо приподнятыми носками, XVIII—XIX в.в., Тбилиси. Исторический музей Грузинской ССР.
11. — Сапоги-чулки с загнутым вверх носком из Дагестана. Конец XIX века. Тбилиси, Исторический музей Грузинской ССР.
12. — Сосуд в форме сапожка из района Кзыл-Банк (Нахичевань). Период бронзы и раннего железа, Баку, Музей истории Азербайджанской ССР.
13. — Сосуд в виде спаренного сапога из поселка Давид-Бек Кафанского района, XI—X в.в. до н. э., Ереван, ГИМА.
- 14—16. — Миниатюрные сосуды в виде полусапожков из Каджарана, XI в. до н. э., Ереван, ГИМА.
17. — Сосуд в виде башмачка-ботника из Джульфы, XII—X в.в. до н. э., Тбилиси, Исторический музей Грузинской ССР.
18. — Сосуд-сапожек из Лчашена, первая половина второго тысячелетия до н. э., Ереван, ГИМА.
- Глиняные сосуды в виде сапожков, XIII—X в.в. до н. э.**
- 19—20. — Из села Лчен Сисианского района Армянской ССР, Горисский краеведческий музей.
21. — Из Мингечаурского древнего могильного поля, XIII—X в.в. до н. э., Баку, Музей истории Азербайджанской ССР.
- 22—23. — Глиняные сосуды в виде сапожков, представляющие урартскую обувь из урартского города Тейшебани, VIII—VII в.в. до н. э., Ереван, ГИМА.
24. — Деталь торжественного шествия урартских воинов, обутых в сапоги. Рельеф из Малатии, IX в. до н. э., Музей Анкары

25. — Урартские послы, обутое в обувь с высокими голенищами на шнурках. Из рельефа во дворце Дашурбанипала, IX в. до н. э.
26. — Обувь с наружным каблуком в одеянии мидянина, VIII в. до н. э. Персеполь в Дуршарукне.
- 27—31. — Этапы возникновения деревянного высокого каблука и деревянной подошвы.
32. — Обувь на подставках (котурнах).
33. — Лакап — своеобразная обувь для передвижения по снегу. Ереван, ГИМА.
34. — Воин «каменоходного» полка, защищенный кожаными щитом в форме балдахина.
35. — Сапоги с туго прилегающими голенищами, утыканные шипами.
36. — Харук — специальный вид обуви сасунцев.
37. — Обувь на шипах. Конец XIX века, Ереван, ГИМА.
38. — Роскошный двор Тиграна II (сапоги с туго прилегающими голенищами), I в. до н. э.
39. — Обувь в виде полусапог у воинов-всадников, I в. н. э.
40. — Снаряжение и обмундирование армянского пехотинца и горожанина, I в. н. э.
41. — Сапоги с туго прилегающими голенищами в одеянии катагагусанов (шуточные певцы) из миниатюр XIV в.
42. — Шлепанцы католикоса всех армян на среднем каблуке, вторая половина XIX в.
43. — Верх женской домашней обуви, вышитой гр. Сагательян, 1883 г.
44. — Штиблеты с кожаными калошами шпильного метода крепления, конец XIX века.
45. — Домашняя «двойная» обувь, начало XX века.
46. — «Лапишны» — обувь выворотного метода крепления для бедного городского населения, конец XIX века.
47. — Металлическая штампованная открытая обувь. Обувь, служившая предметом религиозного культа.
48. — Статуэтка оленя — символа и могущества, укрепленная на постаменте и изображающая человеческую ногу. Село Погос, район г. Аладжи Гююк, Турция. II тыс. до н. э.
49. — Миска на трех ножках из арктического могильника, изображающая человеческие ноги в обуви, XIII—XII вв. до н. э.
50. — Урартская бронзовая подвеска в форме сапога. Село Тли (Осетия).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. — Избранные произведения, т. II, Москва, 1953.
2. Энгельс Ф. — Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госиздат, М., 1953.
3. Ленин В. И. — ПСС, изд. IV, том 23.
4. Абрамян В. А. — Цеховые организации армян-ремесленников в городах Закавказья, с XVIII по начало XX веков (на арм. яз.), Ереван, 1971 г.
5. Акопян Т. Х. — История Еревана (1801—1879 гг.) (на арм. яз.), Ереван, 1959 г.
6. Армянская этнография и фольклор—Материалы и исследования. Выпуск VI, Ереван, 1974 г.
7. Аракелян Б. Н., Ионнисян А. Р. — История армянского народа, Ереван, 1951 г.
8. Аракелян Б. Н. — Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XIII веках, «Советская археология», 1956 г., т. 26.
9. Арутюнян Н. В. — Земледелие и скотоводство Урарту, Ереван, 1964 г.
10. Товма Арцруни — История дома Арцруниев (на арм. яз.), Тифлис, 1917 г.
11. Ахверхов Ю. Ф. — Тифлиские амкары, Тифлис, 1883 г.
12. Ацуни В. — История древней армянской одежды (на арм. яз.), Венеция, 1924 г.
13. Богаевский Б. Л. — История техники, Москва-Ленинград, 1936 г.
14. Богаевский Б. Л. — Гончарные божества Минайского крита, Ленинград, 1931 г.
15. Большая советская энциклопедия, т. 3, Москва, 1950 г.
16. Борисковский П. И. — Древнейшее прошлое человечества, Москва-Ленинград, 1957 г.
17. Геворкян А. Б. — Ремесла и быт в армянских миниатюрах, Ереван, 1973 г.

18. Гоян Г. — Театр Древней Армении, т. I, Москва, 1952 г.
19. Мхитар Гош — Армянский судебник, Ереван, 1954 г.
20. «Давид Сасунский» — Армянский народный эпос, Москва, 1957 г.
21. Дьяконов И. М. — Предыстория армянского народа, Ереван, 1968 г.
22. Дьяконов И. М. — История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. ч., Москва-Ленинград, 1956 г.
23. Егизаров С. А. — Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. II, Казань, 1891 г.
24. Еремян С. Т. — Развитие городов и городской жизни в Древней Армении, «Вестник древней истории», 1953 г., № 3.
25. Есаян С. А., Шагинян А. Н. — Археологические находки в Зангезуре. «Советская археология», 1962 г., № 3.
26. Зыбин Ю. П. — Конструирование изделий из кожи, Москва, 1963 г.
27. Зыбин Ю. П. — Из истории обуви, «Наука и жизнь», 1967 г., № 8.
28. Ионе Г. И. — Глиняные сосуды-сапожки из Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, т. III, Баку, 1953 г.
29. Капанцян Г. А. — Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947 г.
30. Козмоян К. С. — 75 лет Ереванского кожевенного завода им. Ст. Шаумяна, Ереван, 1969 г.
31. Ксенофонт — «Анабасис», С.-Петербург, 1887 г.
32. Ксенофонт — «Киропедия», Киев, 1878 г.
33. Липс Юлиус — Происхождение вещей, Москва, 1954 г.
34. Мартиросян А. А. — Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964 г.
35. Манандян Я. А. — Краткий обзор истории Древней Армении, Москва-Ленинград, 1943 г.
36. Манандян Я. А. — О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.). Ереван, 1954 г.
37. Манандян Я. А. — Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943 г.
38. Мнацаканян А. О. — Раскопки могильников в Семеновке — Головино. Труды Государственного исторического музея Армении, т. V, Ереван, 1959 г.
39. Паничкина М. З. — Палеолит Армении, Ленинград, 1950 г.
40. Патрик А. Н. — Армянская одежда с древних времен до наших дней (на арм. яз.), Ереван, 1967 г.
41. Петоян В. А. — Этнография Сасуна (на арм. яз.), Ереван, 1963 г.
42. Петросян Л. Н. — Пешие и вьючно-верховые средства передвижения на Армянском нагорье (авторферат), Ереван, 1972 г.

43. Пиотровский Б. Б. — Ванское царство (Урарту), Москва, 1959 г.
44. Пиотровский Б. Б. — Кармир блур, ч. I, Ереван, 1950 г.
45. Пиотровский Б. Б. — Искусство Урарту VIII—VI в.в. до н. э., Ленинград, 1962 г.
46. Прошян Перч — Собрание сочинений в 3-х томах (на арм. яз.), Ереван, 1953 г.
47. Раффи — Самвел. Исторический роман. Ереван, 1970 г.
48. Себеос — История Геракла (на арм. яз.), Константинополь, 1851 г.
49. Семенов С. А. — Первобытная техника, Москва-Ленинград, 1957 г.
50. Степанян Н. С., Чекмакчян А. С. — Декоративное искусство средневековой Армении, Ленинград, 1971 г.
51. Страбон — География в 17 книгах, Москва-Ленинград, 1964 г.
52. Техов К. В. — Могильник эпохи поздней бронзы с. Тли. «Советская археология», 1962 г., № 3.
53. Тревер К. В. — Очерки по истории культуры Древней Армении. Москва-Ленинград, 1953 г.
54. Туманян О. Е. — Экономическое развитие Армении, ч. I, Ереван, 1954 г.
55. Тэйлор Э. Б. — Первобытная культура, т. II, С.-Петербург, 1897 г.
56. Хачатрян Т. С. — Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963 г.
57. Хачатрян В. Н. — Восточные провинции Хеттской империи, Ереван, 1971 г.
58. Мовсес Хоренаци — История Армении, Москва, 1893 г.
59. Читая Г. С. — Этнографические параллели грузинской обуви с носком (на груз. яз.). Сообщения Грузинского филиала АН СССР, т. I, Тбилиси, 1943 г.
60. Шаншиев П. — Два слова об амкаре, Тифлис, 1857 г.
61. Шопен И. — Исторический памятник Армянской области в эпоху ее присоединения Российской империей, С.-Петербург, 1852 г.
62. Шнайдер Ф. — Технология обуви часть I, Москва, 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Предисловие	5
Введение	7
I. Из истории возникновения и развития обуви	17
II. Армянская народная обувь	31
III. Амкарство	104
Перечень репродукций	119
Использованная литература	121

Армагэлян Аршалуйс Срапионович

Обувь древней Армении

Редактор Г. А. Айвазян

Художник Ан. В. Гаспарян

Техн. редактор И. Г. Аветисян

Контрольный корректор Р. Т. Мальцева

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
39	5 сверху	(49 таб. 39 рис. 1)	(40 таб. 39 рис. 1)
55	2 сверху	культурных	культовых
113	17 сверху	кафарами	кафафами

Сдано в набор 16/II 1978 г. Подписано к печати 13/VI 1978 г.
 Бумага типографская № 1, 70×108¹/₃₂. Печ. 3,88 л. = 5,42 усл. печ. л.
 Уч.-изд. 4,85 л. ВФ 08567. Заказ 353. Тираж 1500. Цена 55 коп.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.
 Типография Ереванского государственного университета,
 Ереван, ул. Абовяна, № 52.

ԳԱՆ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

110044097

25
P 44097